I. 271.

Проф. Ѳ. В. Благовидовъ.

КЪ РАБОТѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ПО ВОПРОСУ

О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМѢ.

КАЗАНЬ.
Центральная Типографія.
1905.

17540

Ѳ. В. Благовидовъ.

КЪ РАБОТАМЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

ПО ВОПРОСУ

О ЦЕРКОВНОЙ РЕФОРМѢ.

01651

Печатать разрѣшается 10 іюня 1905 г. И. д. Ректора Академіи, Инспекторъ Протоіерей *И. Виноградовъ*.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
227
30

Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ за 1905 годъ.

I.

Тѣсная и неразрывная связь между церковною и государственною жизнью, непрерывно существовавшая на всемъ протяженіи нашей русской исторіи, всегда обусловливала собою, несомнѣнную для вдумчивыхъ изслѣдователей, сильную зависимость той или иной организаціи завѣдыванія церковными дѣлами отъ существующей системы государственнаго управленія и отъ тѣхъ разнообразныхъ перемѣнъ, какія періодически происходили и происходятъ въ ней подъ вліяніемъ властныхъ и настойчивыхъ требованій времени.

Во второмъ изданіи своего изслѣдованія по исторіи оберъ-прокуратуры св. Синода [1]) мы уже имѣли случай отмѣтить, какъ идеи государственнаго абсолютизма, настойчиво проводившіяся императоромъ Петромъ I въ его разносторонней реформаторской дѣятельности, вполнѣ послѣдовательно и логически повели за собою, вслѣдъ за важными и существенными преобразованіями въ сферѣ высшаго гражданскаго управленія, не менѣе крупныя, аналогичныя, реформы и въ области управленія церковнаго.

---

[1]) Оберъ-прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія, стр. 9—11.

Дуб
Об. Пуб
Обме

Когда Петръ I, признававшій единоличную власть русскаго патріарха несовмѣстимою съ идеями государственнаго абсолютизма, задумалъ поставить церковное управленіе въ непосредственную зависимость отъ верховной власти и неразрывно связать его съ общею системой высшей правительственной администраціи, онъ не нашелъ нужнымъ вырабатывать какія либо особыя, спеціальныя и своеобразныя формы управленія церковью. Такія формы были ранѣе созданы преобразовательною дѣятельностью реформатора въ области гражданской, государственной жизни, и поставленный Петромъ во главѣ русской церкви св. Синодъ былъ организованъ по типу уже существовавшихъ коллегіальныхъ государственныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ отдѣльными отраслями управленія. И хотя замѣнившее патріарха новое коллегіальное учрежденіе получило въ качествѣ обязательнаго руководства для своей дѣятельности Духовный Регламентъ, составленный ближайшимъ сотрудникомъ Петра и усерднымъ проводникомъ его государственныхъ идей въ церковную жизнь, тѣмъ не менѣе преобразователь призналъ необходимымъ, въ интересахъ государства, установить еще и особый, спеціальный надзоръ за дѣятельностью св. Синода.

Но и въ дѣлѣ организаціи особаго правительственнаго надзора за церковнымъ управленіемъ реформаторъ воспользовался совершенно готовымъ институтомъ прокуратуры въ высшемъ государственномъ учрежденіи и цѣликомъ перенесъ его изъ правительствующаго Сената въ св. правительствующій Синодъ. Когда послѣ смерти преобразователя институтъ прокурорскаго надзора за высшими государственными учрежденіями пересталъ пользоваться сочувствіемъ правящихъ сферъ и въ Сенатѣ фактически исчезла должность генералъ-прокурора, св. Синодъ также получилъ возможность довольно долгое время чувствовать себя совершенно свободнымъ отъ всякаго контроля со стороны прокуратуры [1]). Когда же, подъ вліяніемъ

---

[1]) Тамъ же. Изд. 2-е, стр. 126.

измѣнившихся взглядовъ руководящихъ лицъ, Сенатъ, по предложенію Императорскаго Кабинета, позволилъ себѣ высказаться въ пользу предоставленія прокурорскихъ правъ и обязанностей старшимъ членамъ самихъ коллегіальныхъ учрежденій и при этомъ замѣтилъ, что въ св. Синодѣ оберъ-прокурорскую должность можетъ исправлять кто-либо „изъ первыхъ духовныхъ персонъ“ [1]), въ высшихъ духовныхъ сферахъ сдѣлалось даже возможнымъ возникновеніе мысли о возстановленіи патріаршества.

Вступленіе на престолъ императрицы Елизаветы, во многомъ явившейся усердной послѣдовальницей Петровскихъ идей, поставило, однако же, систему церковнаго управленія въ прежнія отношенія къ государственной власти. Одновременно и параллельно съ начавшимся процессомъ постепеннаго усиленія вліянія генералъ-прокуроровъ Сената на ходъ государственныхъ дѣлъ также безостановочно и неуклонно укрѣплялись и разростались сила и значеніе синодальныхъ оберъ-прокуроровъ въ сферѣ подчиненнаго ихъ надзору церковнаго управленія. Съ окончательнымъ же крушеніемъ коллегіальныхъ началъ въ области центральнаго государственнаго управленія и съ замѣною старыхъ Петровскихъ коллегій новыми Александровскими министерствами, правительство признало возможнымъ и даже желательнымъ распространить примѣненіе министерскаго принципа и на духовное вѣдомство, находившееся въ вѣдѣніи св. Синода. Уже первый синодальный оберъ-прокуроръ, назначенный чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ учрежденія министерствъ, обнаружилъ несомнѣнныя стремленія присвоить себѣ министерскія полномочія, преемникъ же его, кн. Голицынъ, былъ и оффиціально превращенъ въ министра духовныхъ дѣлъ. Правда, новые порядки просуществовали недолго, но оффиціальное уничтоженіе министерства духовныхъ дѣлъ оказалось безсильнымъ остановить совершавшійся процессъ постепеннаго превращенія представителя прокуратуры въ фактическаго министра синодальнаго вѣдомства. По крайней

[1]) Внутренній бытъ русскаго государства. Кн. 2-я, стр. 44.

мѣрѣ, мы прекрасно знаемъ, что гр. Пратасовъ, окончательно завершившій данный процессъ, не только упрочилъ за синодальною прокуратурою чисто министерское вліяніе на духовное вѣдомство, но и внесъ въ самую организацію высшаго церковнаго управленія многіе порядки и пріемы, непосредственно заимствованные изъ сферы министерскаго, бюрократическаго управленія.

Полустолѣтіе, прошедшее со дня смерти гр. Пратасова до нашего времени, не привнесло въ сущности ничего новаго въ положеніе высшаго церковнаго учрежденія и его фактическія отношенія къ представителю государственной власти, такъ какъ великія реформы 60-хъ годовъ, при своей незаконченности и массѣ всевозможныхъ искаженій, какія постепенно вносились въ нихъ подъ вліяніемъ усилившейся реакціи, нисколько не подорвали основныхъ принциповъ всего бюрократическаго строя русской государственной жизни. И только въ переживаемый нами глубоко-интересный историческій моментъ, когда послѣ памятныхъ словъ министра внутреннихъ дѣлъ о „довѣріи"— словъ, произнесенныхъ не безъ вѣдома и соизволенія верховной власти, русское общество съ небывалымъ и поразительнымъ единодушіемъ высказалось противъ бюрократическаго строя нашей государственной жизни, и когда самъ Государь въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 18 февраля 1905 года призналъ необходимымъ призывать на будущее время къ участію въ законодательныхъ работахъ выборныхъ народныхъ представителей, вполнѣ послѣдовательно возникъ вопросъ о цѣлесообразности и своевременности переустройства на новыхъ началахъ и русскаго церковнаго управленія.

II.

Смѣло и безъ всякаго риска позволить себѣ какое-либо преувеличеніе и неточность можно утверждать, что съ замѣною древняго московскаго патріаршества новою синодальною формою церковнаго управленія въ средѣ православнаго духовенства и русскаго общества постоянно таилась мысль о неканоничности произведенной реформы,

а по временамъ даже и высказывались противъ нея робкіе и разрозненные протесты. Съ развитіемъ же общественнаго самосознанія затаенное недовольство и неувѣренно-боязливые голоса получили возможность болѣе или менѣе полно выражаться въ цѣломъ рядѣ литературныхъ трудовъ, дружно и настойчиво трактовавшихъ о многочисленныхъ недостаткахъ и ненормальностяхъ самыхъ разнообразныхъ сторонъ всего нашего церковнаго строя, начиная съ приходовъ и кончая организаціей высшихъ органовъ управленія синодальнымъ вѣдомствомъ.

Мы не будемъ подробно останавливаться здѣсь на литературной разработкѣ затронутаго вопроса въ его отдаленномъ историческомъ прошломъ, а попытаемся разобраться въ сложной и запутанной работѣ общественной мысли по вопросу о назрѣвшихъ церковныхъ реформахъ въ ближайшіе къ намъ дни, а главнымъ образомъ—въ переживаемый нами рѣдкій историческій моментъ всеобщаго исканія новыхъ формъ жизни.

Въ одномъ изъ засѣданій прекратившихся С.-Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраній, какъ извѣстно, открыто и публично высказывались смѣлыя мысли о томъ ненормальномъ положеніи, въ какое была поставлена русская церковь синодальною реформою Петра. „Однимъ росчеркомъ пера подъ Духовнымъ Регламентомъ“, говорилъ въ религіозно-философскомъ собраніи Мережковскій [1]), „Петръ рѣшилъ всемірно-историческій вопросъ, подчинивъ церковь государству, православіе самодержавію. Однимъ ударомъ и „обезглавилъ“ онъ русскую церковь, уничтоживъ патріаршество, и „обмірщилъ“ русское государство, разоривъ церковное домостроительство древней Россіи“. Отнынѣ дѣятельность церкви, по его словамъ [2]), пріобрѣла исключительный характеръ „духовной политики“, и сама церковь превратилась въ одно изъ колесъ огромной государственной машины, сдѣлавшись „пальцемъ отъ ноги же-

---

[1]) Новый Путь. 1903 г. Кн. 2. „Записки рел.-философскихъ собраній“, стр. 66.

[2]) Тамъ же, стр. 66—67.

лѣзнаго колосса". Существовали всевозможнаго рода коллегіи; среди нихъ появилась и коллегія духовная. Въ нее были назначены такіе-же чиновники, члены-совѣтники, асессоры, вице-президентъ и президентъ, какъ и во всѣ остальныя центральныя правительственныя учрежденія. Настоящею же главою новаго высшаго церковнаго учрежденія оказался самъ Петръ, соединившій въ себѣ „власть русскаго царя съ властью русскаго патріарха—кесарево съ Божіимъ".

Идея „паралича русской церкви со временъ Петра" нашла себѣ многихъ убѣжденныхъ сторонниковъ среди членовъ собранія, и одинъ изъ нихъ стремился доказать своимъ слушателямъ, что и въ порядкѣ своего возникновенія, и по своимъ задачамъ, и по характеру *современнаго* существованія и властвованія св. Синодъ представляетъ собою лишь административный органъ *свѣтской* власти, учрежденный для цѣлей церковнаго управленія и духовной политики [1]). Всякія попытки придать этому административному органу верховной власти значеніе самостоятельнаго и правильнаго съ канонической точки зрѣнія церковнаго учрежденія, по его словамъ [2]), встрѣчаютъ неодолимую преграду въ нашихъ основныхъ законахъ (ст. 43) и о нихъ безъ остатка разбиваются. „Пробуютъ намекать", говорилъ онъ, „что Синодъ—церковный соборъ и какъ бы уста православной церкви. Но церковный соборъ дѣйствуетъ не въ силу внѣшняго повелѣнія, а по непосредственно принадлежащей ему власти". Теорія же, пытающаяся облечь правительствующій Синодъ значеніемъ представителя церкви, по мнѣнію оратора, настолько безпочвенна и неправославна, что онъ даже не счелъ нужнымъ подвергать ее подробному обсужденію, такъ какъ всякое опредѣленіе пр. Синода получаетъ силу только подъ условіемъ одобренія его свѣтскимъ чиновникомъ. „Не поставитъ оберъ-прокуроръ своего „читалъ", (за которымъ подразумѣвается: „и содержаніе онаго одобрилъ"), и опредѣленіе отцовъ тѣмъ самымъ уравнивается нулю".

---

[1]) Тамъ же, стр. 77. [2]) Тамъ же, стр. 78.

Правда, усердные защитники существующаго строя церковнаго управленія въ томъ же собраніи находили возможнымъ утверждать, что „Синодъ въ Россіи есть форма и организація самая совершенная“, такъ какъ онъ представляетъ собою не учрежденіе свѣтской власти, а соборъ, и участіе царя, какъ воплощенія народной воли, въ дѣлахъ св. Синода является въ сущности участіемъ въ церковныхъ дѣлахъ самого народа [1]). Но даже членами собранія, близкими къ церковнымъ сферамъ, по поводу такого заявленія было сдѣлано вполнѣ резонное замѣчаніе, что аналогія между соборною и синодальною формою управленія въ данномъ случаѣ „совершенно непріемлема“, и что хотя идея царя, какъ представителя народа, сама по себѣ прекрасна, однако же слишкомъ идеальна, почему и должна быть признана совершеннно неумѣстною при обсужденіи текущей дѣйствительности. Текущая же дѣйствительность не оставляетъ мѣста сомнѣнію, что съ учрежденіемъ Духовной Коллегіи и введеніемъ въ нее посторонней силы многія явленія церковной жизни приняли характеръ, не удовлетворяющій сознанія христіанскаго общества [2]).

Основная идея о несоотвѣтствіи существующей системы русскаго церковнаго управленія идеальнымъ требованіямъ каноническаго права, нашедшая себѣ яркое выраженіе въ мнѣніяхъ нѣкоторыхъ членовъ религіозно-философскаго собранія, повидимому не располагавшихъ особенно убѣдительными историческими данными для научнаго обоснованія своихъ взглядовъ, въ скоромъ времени получила возможность проникнуть даже и въ нашу академическую духовную журналистику, гдѣ появилась спеціальная статья, посвященная научному обсужденію вопроса о каноническомъ достоинствѣ церковной реформы Петра [3]). Авторъ статьи, пользуясь, по возможности, всѣми

---

[1]) Тамъ же, стр. 87.

[2]) Тамъ же, стр. 88.

[3]) Богословскій Вѣстникъ. 1904 г. Кн. 1 и 2. „Каноническое достоинство реформы Петра Великаго по церковному управленію“. П. Тихомировъ.

наличными историческими и юридическими данными, задался цѣлью разсмотрѣть, „составляютъ ли созданныя Петромъ формы и условія церковнаго правленія нѣчто *положительно* необходимое для осуществленія русскою церковью ея каноническихъ задачъ, или же онѣ-только *стѣсняющія* церковную жизнь рамки, въ которыхъ русская церковь,—*не теряя своего канонического достоинства*, но лишенная въ то же время возможности развернуть всю свою мощь,—вынуждена существовать около двухъ столѣтій? Другими словами: составляютъ ли эти формы и условія *каноническую принадлежность* русскаго церковнаго строя, самостоятельно вытекающую изъ существа и назначенія церкви, или же онѣ воплощаютъ въ себѣ неканоническіе, государственные интересы, съ которыми церковь, какъ юридическій институтъ, *вынуждена* считаться,—подобно тому, какъ вынуждена была въ свое время считаться съ юридическими принципами языческаго римскаго государства или византійскаго цезарепапизма“ [1]).

Хотя авторъ отмѣченныхъ нами историко-каноническихъ справокъ, по его собственному откровенному признанію [2]), и не могъ прибавить ничего фактически новаго къ богатому и разносторонне разработанному матеріалу по затронутому вопросу, но онъ, во всякомъ случаѣ, успѣлъ достичь намѣченной цѣли и путемъ умѣлой группировки обильнаго матеріала, соединенной съ анализомъ соотвѣтствующихъ фактовъ и принципіальныхъ воззрѣній на характеръ церковнаго управленія, далъ умѣлую оцѣнку церковной реформы Петра съ спеціальной, канонической, точки зрѣнія. Придя къ заключенію, что существующая у насъ форма церковнаго управленія была введена Петромъ безъ соблюденія необходимыхъ каноническихъ условій, онъ, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать при наличности такихъ взглядовъ, долженъ былъ замѣтить, что въ созданной реформаторомъ и сохраняющейся до настоящаго времени системѣ русскаго церковнаго управленія „намъ рѣ-

[1]) Тамъ же. Кн. 1, стр. 78—79.

[2]) Тамъ же. Кн. 2, стр. 246.

шительно нечѣмъ дорожить“ [1]), и что не только нѣтъ никакихъ основаній страшиться стремленія реформировать эту систему, но даже слѣдуетъ привѣтствовать его, какъ попытку организовать церковное управленіе на болѣе прочныхъ и плодотворныхъ началахъ.

Въ своихъ стремленіяхъ реформировать существующій строй синодальнаго управленія сообразно съ строгими требованіями церковныхъ каноновъ общественная мысль, безъ сомнѣнія, должна была прежде всего остановиться на самой простой идеѣ возстановленія древне-русскаго патріаршества, по волѣ Петра замѣненнаго св. Синодомъ. Съ пропагандированіемъ такой упрощенной и несложной идеи реорганизаціи высшаго церковнаго управленія и выступили еще въ 1902 году „Московскія Вѣдомости“ [2]), высказывавшія убѣжденіе, что „наша тьма происходитъ отъ отсутствія у насъ яснаго свѣточа Церковнаго Авторитета“ и желавшія создать „важное и сильное“ церковное правительство. Скорбя объ ослабленіи власти, авторъ указанной статьи московскаго органа, въ видахъ усиленія церковнаго авторитета, проектировалъ, чтобы первенствующій членъ св. Синода, т. е. С.-Петербургскій митрополитъ, получилъ въ свое единоличное вѣдѣніе всѣ права, принадлежащія Синоду по функціямъ управительнымъ, т. е. права *патріаршія*, права главнаго епископа русской церкви, и чтобы всѣ сношенія св. Синода съ верховною властью совершались первоприсутствующимъ митрополитомъ или патріархомъ, если первосвятитель получилъ бы такой титулъ, необходимый для внѣшняго престижа Россіи [3]).

Правда, на ряду съ проектируемымъ возстановленіемъ патріаршества „Московскія Вѣдомости“ трактовали и о возобновленіи повременныхъ помѣстныхъ соборовъ, утверждая, что намъ нужно время отъ времени созывать помѣстные соборы — соборы дѣйствительные и особые отъ св. Синода, которыхъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Московскія Вѣдомости. 1902 г. №№ 343—345. „Запросы жизни и наше церковное управленіе“. Л. Тихомировъ.

[3]) Тамъ же, № 345.

замѣнить, какъ это было желательно только Ѳеофану Прокоповичу, а не церкви и не верховной власти государства [1]). Но идея организаціи высшаго соборнаго управленія была лишь вскользь брошена здѣсь, и самъ авторъ, какъ уже вполнѣ справедливо отмѣтила текущая журналистика [2]), видимо не придавалъ ей особенно важнаго значенія, заботясь главнымъ образомъ о превращеніи проектируемаго русскаго патріарха въ полновластнаго министра церковныхъ дѣлъ.

Какъ ни естественно было, повидимому, съ канонической точки зрѣнія увлеченіе мыслью о возстановленіи дореформеннаго строя высшаго церковнаго управленія, однако же простая реставрація патріаршества далеко не удовлетворяла многихъ лицъ даже изъ числа тѣхъ, которыя нисколько не были заинтересованы въ сохраненіи и защитѣ существующей синодальной системы. Въ томъ же Петербургскомъ религіозно-философскомъ собраніи, гдѣ раздавались рѣзкіе голоса противъ законности произведенной Петромъ церковной реформы, высказывались и сомнѣнія въ пользѣ возвращенія къ патріаршеству. Многіе, говорилъ одинъ изъ членовъ собранія [3]), выражаютъ сожалѣніе, что „у насъ нѣтъ сильнаго авторитета въ духовныхъ дѣлахъ—патріаршества. Меня пугаетъ это. Патріаршество и теперь существуетъ на Востокѣ. Но что оно даетъ тамъ“?

Не найдя утѣшительнаго отвѣта на поставленный вопросъ, ораторъ, не задумываясь, утверждалъ, что и у насъ оно не дало бы ничего особенно важнаго. „Увеличилась бы“, по его словамъ, „пышность богослуженія, богатство одеждъ, свита, робость просителей въ пріемныхъ у духовныхъ особъ, долгота службъ,—все это насъ еще болѣе удалило бы отъ апостольской простоты, и такъ почти уже забытой нами... Что патріархъ могъ бы сказать бо́льшаго, въ сравненіи съ тѣмъ, что мы слышимъ отъ епископовъ,

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Богословскій Вѣстникъ. 1903 г. Кн. 4, стр. 689.

[3]) Новый Путь. 1903 г. Кн. 2. „Записки р.-ф. собр“., стр. 81—82.

и неужели Россія, на которой сошлось теперь столько міровыхъ загадокъ, почувствуетъ въ немъ своего духовнаго главу, вождя?.. Славянофилы любили употреблять по поводу уничтоженія патріаршества трогательныя сравненія въ родѣ „обезглавленія церкви“, „вдовства ея“, „сиротства“ и т. п. Но все это не болѣе, какъ риторика,... такъ какъ и русское патріаршество явилось въ исторіи по настоянію той же *свѣтской* власти и въ такой же мѣрѣ, какъ и современный Синодъ“.

Отмѣтивъ появленіе въ періодической прессѣ зачаточной мысли о возстановленіи патріаршества, оставлявшей мѣсто, въ проектѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, и существующей синодальной оберъ-прокуратурѣ, которая при этомъ естественно возвращалась къ своимъ нормальнымъ функціямъ государственнаго надзора за законнымъ теченіемъ дѣлъ церковнаго управленія, „Новое Время“ [1]), на основаніи данныхъ моего изслѣдованія объ оберъ-прокурорахъ св. Синода, высказало сильное сомнѣніе, чтобы прокуратура, даже при наличности патріаршаго титула у первенствующаго члена св. Синода, заняла второстепенное мѣсто въ дѣлахъ церковнаго управленія. „Разъ православная церковь“, по его словамъ, „имѣла патріарховъ, она могла бы и возвратиться къ этому. Но возвратить къ старому *самую нашу жизнь*, вошедшую въ европейское русло, не возможно. Будетъ патріархъ, прежняго же значенія, (какое желательно „Московскимъ Вѣдомостямъ“,) онъ имѣть не можетъ“.

Не ожидая ничего особенно утѣшительнаго для русской церкви отъ простог надѣленія первенствующаго члена св. Синода правами и титуломъ патріарха, „Новое Время“ обратило, однако же, должное вниманіе и сумѣло по достоинству оцѣнить мысль о помѣстныхъ соборахъ, которой, къ сожалѣнію, авторъ цитированной статьи московскаго органа не придавалъ важнаго значенія. По мнѣнію „Новаго Времени“, дѣло слѣдовало бы начать именно съ помѣстнаго собора, который бы разобралъ слабыя стороны церковнаго управленія и указалъ дѣйствительныя нужды

[1]) 1903 г. № 9737.

церкви и православныхъ. Здѣсь нужна прилежная и сложная работа, требующая детальнаго изученія главнаго предмета и всѣхъ условій дѣйствительности *въ ихъ историческомъ развитіи*. Собрать матеріалы для такой работы, обсудить ихъ со всѣхъ сторонъ и придти къ выводамъ можетъ только помѣстный соборъ въ свободныхъ преніяхъ о нуждахъ церкви. Въ такомъ соборѣ русская церковь несомнѣнно нуждается и только онъ въ состояніи принести ей дѣйствительную пользу.

Мысль о возстановленіи повременныхъ помѣстныхъ соборовъ, встрѣтившая сочувствіе „Новаго Времени“, нашла себѣ сильную поддержку и среди нашихъ канонистовъ; на страницахъ московскаго академическаго изданія [1]) одинъ изъ нихъ даже утверждалъ, что помѣстный соборъ является единственно нужнымъ и необходимымъ дополненіемъ къ существующей организаціи русскаго церковнаго управленія,—дополненіемъ, которое было бы „благотворнѣе и плодоноснѣе самыхъ остроумныхъ проектовъ реорганизаціи или реформаціи нашей церкви“. „Никакой ломки существующихъ и дѣйствующихъ церковноправительственныхъ учрежденій (при періодическомъ созываніи помѣстныхъ соборовъ)“, по его словамъ [2]), „было бы не нужно. Пусть все останется безостановочно дѣйствующимъ: жизненный духъ обновленія проникнетъ неудержимо въ эти учрежденія и совершитъ ихъ обновленіе постепенно, безъ чувствительныхъ потрясеній, точно такъ, какъ постепенно обновляется организмъ послѣ тяжкихъ недуговъ подъ руководствомъ разумнаго врача и разумной гигіены. Такимъ врачомъ и будетъ помѣстный соборъ: онъ и возбудитъ жизнь въ недугующихъ органахъ церковнаго тѣла, сонно или вяло дѣйствующихъ“...

Но, находя возможнымъ ограничиться возобновленіемъ помѣстныхъ соборовъ, какъ единственнымъ дополненіемъ къ существующей системѣ нашего церковнаго управленія,

---

[1]) Богословскій Вѣстникъ. 1903 г. Н. Заозерскій. „О средствахъ успленія власти нашего высшаго церковнаго управленія“.

[2]) Тамъ же. Кн. IX, стр. 10—11.

профессоръ-канонистъ въ тоже время выражалъ свое полное сочувствіе и другой проектировавшейся мѣрѣ усиленія авторитета церковной власти, замѣчая впрочемъ, что въ высшей степени желательное возведеніе первоприсутствующаго члена св. Синода въ санъ патріарха не представляетъ собою какой либо реформы, а является лишь возстановленіемъ *права* уже пріобрѣтеннаго и лишь долгое время не имѣвшаго реализаціи, не дѣйствовавшаго [1]).

Оказавъ значительную услугу работѣ общественной мысли по вопросу о введеніи разумно и широко понимаемыхъ соборныхъ началъ въ систему нашего церковнаго управленія, авторъ цитируемой здѣсь статьи сдѣлалъ и нѣсколько, не лишенныхъ извѣстнаго значенія, замѣчаній о недостаткахъ бюрократическаго, исключительно канцелярскаго веденія всего русскаго церковнаго управленія, какъ объ одной изъ главныхъ причинъ обнаруживающагося недовольства существующими порядками. Такъ какъ, по его словамъ [2]), наша іерархія правитъ православнымъ народомъ лишь чрезъ посредство канцелярій съ ихъ чиновничьимъ персоналомъ и не входитъ въ живое и ближайшее соприкосновеніе съ населеніемъ, то всѣ мѣры іерархіи—законодательныя, административныя и судебныя не имѣютъ въ глазахъ народа необходимаго нравственнаго авторитета. Какъ отдѣльные архипастыри, такъ и самъ св. Синодъ видитъ предъ собою не живыхъ людей, а только написанныя ими бумаги, или „дѣла“—въ канцелярскомъ смыслѣ этого слова. Крайне вреднымъ и нежелательнымъ слѣдствіемъ существованія такого „бумажнаго средостѣнія“ нерѣдко является совершенно превратное освѣщеніе дѣйствительности въ глазахъ правящей власти, которая подъ вліяніемъ невѣрнаго освѣщенія иногда и издаетъ распоряженія, прямо не соотвѣтствующія цѣли и не удовлетворяющія заинтересованныя сферы.

Не могъ не указать на чрезмѣрное развитіе бюрократическаго, канцелярскаго строя въ общей системѣ церков-

---

[1]) Тамъ же, стр. 11.

[2]) Тамъ же, Кн. IV, стр. 689—690.

наго управленія, какъ на главную причину современнаго положенія дѣлъ, вызвавшаго всеобщіе толки о церковной реформѣ, и авторъ одной изъ запоздалыхъ рецензій на наше изслѣдованіе объ оберъ-прокурорахъ св. Синода, появившейся въ формѣ отдѣльной брошюры въ прошломъ, 1904 году [1]). Но здѣсь уже проводится болѣе широкій взглядъ на значеніе постепенно усиливавшагося бюрократизма въ высшихъ, руководящихъ сферахъ церковнаго управленія.

Не соглашаясь съ довольно распространеннымъ мнѣніемъ о сознательномъ стремленіи русской государственной власти подчинить своему вліянію церковные порядки, авторъ брошюры утверждаетъ [2]), что *у насъ церковь подавляется не государствомъ, а такою силою, которая поработила себѣ и самое государство*. „Нельзя", говоритъ онъ [3]), „смотрѣть совершенно спокойно на чисто канцелярскій процессъ упорядоченія церкви у насъ. Древняя русская церковь дѣйствительно была полна непорядковъ; но она старалась ихъ устранить, сколько могла, не утрачивая того, что дороже во сто кратъ „самодовлѣющаго порядка", (являющагося, по его словамъ [4]), цѣлью всей дѣятельности бюрократіи). Въ настоящеее время, конечно, порядка въ дѣлахъ церковныхъ сравнительно очень много; но соотвѣтствуетъ ли ему роль церкви и ея представителей въ современной жизни нашего народа и общества?"

Не смотря на то, что, по словамъ печати [5]), уже отмѣченныя нами статьи „Московскихъ Вѣдомостей" „провели идею реставраціи церковнаго управленія въ придворныя сферы, а ученые и полемическіе труды профессоровъ академій, главнымъ образомъ, Казанской и Московской, отчасти С.-Петербургской, создали для реформы огромную подготовку почвы въ богословскомъ сознаніи", первый

---

[1]) Д. Х. „Къ исторіи отечественной бюрократіи".

[2]) Тамъ же, стр. 38.

[3]) Тамъ же, стр. 38—39.

[4]) Тамъ же, стр. 37.

[5]) Миссіонерское Обозрѣніе. 1905 г. № 5, стр. 833.

...ИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

приступъ къ практическому осуществленію идей, выработанныхъ общественнымъ сознаніемъ, сдѣлался возможнымъ только послѣ того, какъ въ силу Высочайшаго указа отъ 12 декабря 1904 года и Императорскаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18 февраля 1905 года начались предварительныя, подготовительныя работы къ широко задуманнымъ *государственнымъ* преобразованіямъ. Даже и самая первоначальная иниціатива постановки на практическую почву назрѣвшаго вопроса о желательныхъ церковныхъ преобразованіяхъ принадлежала не ближайшимъ представителямъ церкви и руководителямъ церковнаго управленія, а предсѣдателю Комитета министровъ, призваннаго Государемъ къ проведенію въ русскую жизнь новыхъ началъ, вызванныхъ запросами и требованіями времени.

III.

Руководя детальною разработкою предрѣшенной правительствомъ крупнѣйшей вѣроисповѣдной реформы, кореннымъ образомъ измѣнявшей правовое положеніе старообрядцевъ, сектантовъ и иновѣрцевъ, предсѣдатель Комитета министровъ, Витте, по порученію верховной власти, попутно возбудилъ вопросъ и о томъ ненормальномъ положеніи, въ какомъ должна будетъ оказаться лишенная прежнихъ исключительныхъ правъ и привиллегій православная церковь, если и съ нея не будутъ сняты тяжелыя цѣпи свѣтской бюрократической опеки. Не удовлетворившись простымъ указаніемъ на невозможность, при существующихъ условіяхъ, ограничиться только обсужденіемъ вопросовъ, касающихся иновѣрія и не затрогивающихъ положенія православной церкви, Витте внесъ въ особое совѣщаніе Комитета министровъ спеціальную записку, посвященную изображенію современнаго состоянія русской церкви [1]). Такъ какъ записка Витте, представляющая собою краткій экстрактъ изъ многихъ несомнѣнныхъ положеній

[1]) Слово. 1905 г. № 108. „О современномъ положеніи православной церкви“ (записка С. Ю. Витте).

и спорныхъ мнѣній, выработанныхъ ученою историческою и каноническою литературою по самымъ разнообразнымъ вопросамъ церковнаго управленія и церковной жизни, должна имѣть для насъ огромный интересъ, *какъ исходный пунктъ, далеко небезразличныхъ для дѣла, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ сужденій высшихъ руководящихъ сферъ* о характерѣ намѣченной реформы, то мы и считаемъ необходимымъ, нѣсколько поподробнѣе, остановиться на ея содержаніи.

Замѣтивъ въ самомъ началѣ записки, что объявленіе религіозной свободы вызываетъ необходимость измѣненій и въ государственномъ положеніи православной церкви, Витте высказалъ убѣжденіе, что, несмотря на наличность полной, повидимому, внѣшней свободы и даже охраны со стороны государства, внутреннюю жизнь православной русской церкви „опутываютъ какія то тяжелыя цѣпи“, обусловливающія собою несомнѣнную вялость всей нашей церковной жизни. Констатируя полный упадокъ церковной приходской общины съ ея просвѣтительными и благотворительными учрежденіями, сухость и формальность епархіальнаго, „консисторскаго“ дѣлопроизводства и узкобюрократическій характеръ дѣятельности органовъ центральной синодальной власти, предсѣдатель Комитета министровъ указывалъ, какъ на причины происхожденія своеобразнаго „паралича русской церкви“, на нѣкоторыя особенности произведенной Петромъ реформы, въ значительной степени парализовавшей, а затѣмъ и совершенно изгнавшей изъ церковной жизни и церковнаго управленія исконныя и основныя начала *соборности*.

По его мнѣнію, учрежденный великимъ преобразователемъ св. Синодъ носитъ только внѣшнія, но совершенно не каноническія, черты соборности, такъ какъ соборное начало *подмѣнено* въ немъ коллегіальностью. Сущность соборнаго управленія заключается не въ томъ, что оно находится въ вѣдѣніи нѣсколькихъ лицъ, а въ томъ, что каждое изъ такихъ лицъ является представителемъ извѣстной общины. Коллегіальность же составляетъ лишь систему внутренней бюрократической организаціи. Въ на-

шемъ синодальномъ управленіи не существуетъ никакого представительства, и св. Синодъ со своими членами, назначаемыми свѣтскою властью, представляетъ собою не церковное правительство, а государственное бюрократическое учрежденіе.

Петровская реформа, изгнавшая изъ церковной жизни принципъ соборности управленія, по словамъ интересующей насъ записки, повела за собою измѣненіе и самаго духа церковной жизни. Уже въ первые годы дѣятельность св. Синода приняла внѣшній, „бюрократически-полицейскій“ характеръ, выразившійся въ попыткахъ „полицейской регламентаціи не поддающихся ей предметовъ и явленій духовной жизни“. Такъ какъ главною цѣлью церковной реформы Петра I было низведеніе церкви на степень простого государственнаго учрежденія, то и не удивительно, что въ скоромъ же времени церковное управленіе сдѣлалось только однимъ изъ многочисленныхъ колесъ сложной государственной машины.

Въ настоящее время наше церковное управленіе, организованное по образцу министерствъ, съ оберъ-прокуроромъ во главѣ, носитъ замкнутый канцелярскій характеръ, причемъ постоянною преградой между церковью и народомъ, и церковью и Государемъ стоитъ свѣтскій бюрократическій элементъ. „Единственнымъ путемъ къ пробужденію замерзшей жизни“, по мнѣнію Витте, „можетъ быть только *возвратъ къ прежнимъ каноническимъ формамъ церковнаго управленія*“.

Замѣтивъ, что за два вѣка слишкомъ уже *интенсивнаго* хозяйства государства на церковной почвѣ, послѣдняя окончательно истощилась, составитель записки высказалъ убѣжденіе, что, хотя церкви необходимъ союзъ съ государствомъ, а государству нужна поддержка церкви, но условія союза между тою и другою стороною должны быть составлены такъ, чтобы не ослаблять самодѣятельности ни церковнаго, ни государственнаго организма. Реформа же Петра кореннымъ образомъ нарушила это равновѣсіе.

Теперь настало время подробнѣйшаго разсмотрѣнія всѣхъ недостатковъ нашей церковной жизни и введенія въ нее необходимыхъ улучшеній и реформъ. Но предстоящія реформы, по убѣжденію предсѣдателя Комитета министровъ, должны быть „не дѣломъ чиновниковъ и не дѣломъ засѣдающихъ въ Синодѣ или даже нѣсколько большаго числа архіереевъ, а свободнымъ дѣломъ всей русской церкви". Для достиженія же этой цѣли *необходимо созваніе помѣстнаго собора.* Но для того, чтобы соборъ представлялъ собою дѣйствительный голосъ всей русской церкви, онъ не можетъ быть замкнутою архіерейскою коллегіею, а долженъ быть *собраніемъ всѣхъ лучшихъ силъ церкви—какъ клира, такъ и мірянъ.* „Двѣсти слишкомъ лѣтъ мы не слыхали голоса русской церкви", говоритъ Витте въ заключеніе своей записки; „не пора ли наконецъ прислушаться къ нему; не пора ли узнать, что скажетъ она о современномъ укладѣ церковной жизни, получившемъ мѣсто помимо ея воли и вопреки завѣщаннымъ ей традиціямъ священной старины. На помѣстномъ соборѣ, гдѣ нужно будетъ организовать представительство, какъ отъ бѣлаго духовенства, такъ и отъ мірянъ, и долженъ быть разсмотрѣнъ вопросъ о тѣхъ необходимыхъ измѣненіяхъ въ строѣ церковной жизни, которыя бы дали возможность церкви стать на надлежащую высоту и получить необходимую свободу дѣйствій".

IV.

Какъ ни широки были полномочія, предоставленныя Комитету министровъ въ дѣлѣ осуществленія разносторонних Высочайшихъ предначертаній, однако же крайне спеціальный характеръ возбужденнаго вопроса о преобразованіи церковнаго управленія по необходимости потребовалъ ближайшаго и непосредственнаго участія въ его обсужденіи самихъ представителей русской церкви. Неудивительно, что и Витте не ограничился только внесеніемъ въ особое совѣщаніе Комитета министровъ подробной записки „о современномъ положеніи православной церкви", но и нашелъ нужнымъ обратиться къ первенствующему члену Св. Синода съ естественною просьбою сообщить Комитету желанія и ожиданія духовныхъ сферъ.

С.-Петербургскій митрополитъ Антоній поспѣшилъ откликнуться на приглашеніе Витте, который, въ данномъ случаѣ, насколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ [1]), явился только исполнителемъ воли самого Государя, и представилъ въ Комитетъ министровъ нѣсколько (7) положеній „о желательныхъ преобразованіяхъ въ управленіи православною церковью“ [2]), составленныхъ при ближайшемъ участіи профессоровъ Петербургской духовной академіи. Выходя изъ той основной мысли, что, съ объявленіемъ вѣротерпимости, общества старообрядцевъ и сектантовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ будутъ поставлены въ болѣе благопріятное положеніе, чѣмъ то, въ какомъ окажется тогда господствующая православная церковь, первоприсутствующій въ Синодѣ митрополитъ признавалъ существенно необходимымъ для государства пересмотрѣть современное *государственное* положеніе православной церкви въ Россіи, такъ какъ иначе, съ дарованіемъ широкой свободы старообрядцамъ и сектантамъ, церковь можетъ потерять у народа свой прежній авторитетъ, да и правительство лишится ея вліянія на народныя массы [3]).

Признавая одною изъ величайшихъ привиллегій инославныхъ обществъ дарованную имъ автономію во внутреннихъ церковныхъ дѣлахъ, авторъ разсматриваемыхъ „положеній“ указывалъ какъ на мѣру, необходимую для парализованія огромнаго преимущества инославныхъ, на устраненіе или хотя бы ослабленіе той постоянной опеки и того чрезмѣрно бдительнаго контроля свѣтской власти надъ церковнымъ управленіемъ, который лишаетъ церковь самостоятельности и иниціативы и, ограничивая дѣятельность духовенства почти однимъ богослуженіемъ и исправленіемъ требъ, дѣлаетъ ея голосъ совершенно неслышнымъ въ общественной и частной жизни [4]). На ряду съ ясно

---

[1]) Русское дѣло. 1905 г. № 14, стр. 1.

[2]) Миссіонерское Обозрѣніе. 1905 г. № 5, стр. 806—808. — Церковный Вѣстникъ 1905 г. № 15, стр. 451—453.

[3]) Тамъ же, п. 1.

[4]) Тамъ же, п. 2.

выраженнымъ пожеланіемъ ослабить, если не совсѣмъ уничтожить, постоянную опеку свѣтской власти надъ церковною жизнью, „положенія“ высказывали мысль и о настоятельной необходимости предоставить православной церкви бо́льшую свободу въ управленіи ея внутренними дѣлами, чтобы дать ей возможность руководиться въ своей правительственной дѣятельности, главнымъ образомъ, церковными канонами и нравственно-религіозными потребностями населенія [1]).

Желаніе возвысить авторитетъ православнаго духовенства и усилить его значеніе въ общественной и государственной жизни поставило на очередь вопросъ о предоставленіи священникамъ правъ обязательнаго участія, въ качествѣ полноправныхъ членовъ, въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ, существующихъ уже (мірскіе сходы) и имѣющихъ возникнуть въ приходахъ, (если приходъ будетъ превращенъ въ мелкую земскую единицу) [2]), а высшимъ членамъ церковной іерархіи—правъ такого же полноправнаго участія въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ [3]).

Такъ какъ проектируемое возрожденіе и оживленіе прихода, по словамъ „положеній“, возможно только при условіи децентрализаціи церковнаго управленія, то такія крупныя перемѣны, въ связи съ измѣненіями въ самомъ государственномъ положеніи православной церкви, естественно должны повлечь за собою неизбѣжную и притомъ серьезную реорганизацію всего строя церковнаго управленія, какъ центральнаго, такъ и епархіальнаго. Въ виду такого положенія дѣлъ, С.-Петербургскій митрополитъ Антоній въ заключеніе своихъ положеній, внесенныхъ въ Комитетъ министровъ, и указалъ на настоятельную необходимость просить Государя Императора теперь же „*образовать особое совѣщаніе изъ представителей церковной іерархіи, съ участіемъ свѣдующихъ лицъ изъ духовенства и*

---

[1]) Тамъ же, п. 3.

[2]) Тамъ же, п. 4.

[3]) Тамъ же, п. 5.

мірянъ, для пересмотра существующаго церковнаго управленія и для выработки проекта необходимыхъ преобразованій“ [1]).

Внесеніе въ Комитетъ министровъ полуоффиціальныхъ положеній о желательныхъ реформахъ въ управленіи православною церковью, выработанныхъ подъ руководствомъ первоприсутствующаго члена св. Синода, не сопровождалось, однако же, существенно-важными практическими послѣдствіями для задуманнаго дѣла, такъ какъ послѣднее, повидимому довольно неожиданно для Витте, встрѣтило серьезныя препятствія къ своему осуществленію со стороны синодальной оберъ-прокуратуры. Оберъ-прокуроръ Св. Синода, по болѣзни не имѣвшій возможности лично участвовать въ засѣданіяхъ особаго совѣщанія, получивъ свѣдѣнія о направленіи дѣла въ Комитетѣ министровъ, нашелъ нужнымъ испросить новое Высочайшее повелѣніе о перенесеніи необходимой предварительной разработки возбужденнаго вопроса, затрогивающаго каноническія основы церковнаго управленія, изъ свѣтскаго государственнаго учрежденія въ Св. Синодъ.

Судя по частнымъ и, къ сожалѣнію, не вполнѣ провѣреннымъ газетнымъ извѣстіямъ, Св. Синодъ, привлеченный, въ силу новаго Высочайшаго повелѣнія, къ непосредственному участію въ обсужденіи назрѣвшихъ вопросовъ церковнаго управленія, послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ совѣщаній, въ своихъ оффиціальныхъ засѣданіяхъ, въ присутствіи товарища оберъ-прокурора, единогласно постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о созывѣ помѣстнаго церковнаго собора и возстановленіи патріаршества въ Россіи.

На страницы повременныхъ изданій проникли даже маловѣроятные и оказавшіеся впослѣдствіи прямо невѣрными слухи, будто бы св. Синодъ рѣшилъ настоящею весною созвать *въ С.-Петербургѣ* всероссійскій соборъ [2]) и

---

[1]) Тамъ же, п. 7.

[2]) Русское Слово. 1905 г. № 78, стр. 3. Миссіонерское Обозрѣніе, упомянувъ объ интересующемъ насъ синодальномъ постановленіи, сообщило, въ данномъ случаѣ, болѣе правдоподобныя свѣдѣнія, за-

въ текущую же сессію своихъ засѣданій избрать всероссійскаго патріарха [1]). А Россійское Телеграфное Агенство, оповѣстивъ 24 марта всю читающую Россію о состоявшемся постановленіи св. Синода, внесло еще бо́льшую смуту въ невѣрныя представленія русскаго общества о дѣйствительномъ положеніи возбужденнаго вопроса. Оно категорически сообщило, что 22 марта св. Синодъ *въ окончательной формѣ* рѣшилъ вопросъ о введеніи патріархата въ Россіи и созывѣ *въ Москвѣ* всероссійскаго духовнаго собора для избранія патріарха, причемъ представило дѣло такимъ образомъ, какъ будто св. Синодъ поспѣшилъ уже *предрѣшить* и будущее устройство реформированнаго церковнаго управленія, замѣтивъ, что „патріаршій посохъ, вѣроятно, перейдетъ къ митрополиту Петербургскому Антонію, Синодъ при патріархѣ будетъ только совѣщательнымъ органомъ, должность синодальнаго оберъ-прокурора имѣетъ быть упраздненною и право доклада Государю сдѣлается привиллегіей патріарха".

На характеръ отношеній нѣкоторой части русскаго общества къ поставленной на очередь церковной реформѣ несомнѣнно оказало также извѣстное неблагопріятное вліяніе и хронологическое совпаденіе ходатайства св. Синода о созывѣ помѣстнаго собора и возстановленіи патріаршества съ подачей С.-Петербургскому митрополиту Антонію группою (32) мѣстныхъ священниковъ особой записки „о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи" [2]).

Привѣтствуя отъ всей души предстоявшее въ то время и теперь уже совершившееся освобожденіе религіозной совѣсти отъ внѣшнихъ стѣсненій, ставившихъ, въ интересахъ господствующей церкви, искусственные предѣлы иновѣрію, инославію и старообрядчеству, составители за-

---

мѣтивъ, что относительно времени созыва собора Синодъ высказался съ осторожностью: „когда настанетъ для сего благопріятное время". 1905 г. № 5, стр. 837.

[1]) Русское Слово. 1905 г. № 78.

[2]) Церковный Вѣстникъ. 1905 г. № 11.

писки высказывали вполнѣ понятное опасеніе за судьбу своей родной, православной церкви, если, съ дарованіемъ относительно—широкихъ автономныхъ правъ всѣмъ религіознымъ обществамъ и союзамъ, лишь она одна будетъ оставаться лишенною равной и одинаковой съ ними свободы. Голосу православной церкви, крайне ограниченному въ своемъ самоопредѣленіи и постоянно подозрѣваемому въ порабощеніи мірскимъ, государственнымъ цѣлямъ и интересамъ, угрожаетъ, при такихъ условіяхъ, серьезная опасность быть совершенно заглушеннымъ свободными, искренними и убѣжденными голосами исповѣдниковъ иновѣрія, инославія, старообрядчества и всякаго иномыслія. А между тѣмъ, по словамъ записки, въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, православной церкви слѣдуетъ возвратить себѣ „всю силу плодотворнаго вліянія на всѣ стороны человѣческой жизни и всю мощь своему голосу. Для достиженія же такой цѣли она должна вернуть себѣ прежде всего свободу, всегда ей принадлежавшую и опредѣленную строемъ священныхъ каноновъ, пренебрегаемыхъ и забываемыхъ, но не могущихъ утратить своей исконной для нея обязательности".

Такъ какъ настоятельно необходимая при настоящихъ условіяхъ церковная свобода, по мнѣнію авторовъ записки, возможна только при возстановленіи опредѣленной канонами организаціи церковнаго *самоуправленія,* то записка ставила на первомъ планѣ въ проектируемыхъ реформахъ культивированіе *соборныхъ началъ* во всей сложной системѣ епархіальнаго управленія. Углубляясь своими корнями въ самостоятельную, широко развитую жизнь приходовъ, какъ низшихъ единицъ церковной жизни, проектируемая ею соборность вверху должна увѣнчиваться повременными соборами всей русской церкви, выдѣляющими изъ себя для постояннаго завѣдыванія церковью священный синодъ, подъ предсѣдательствомъ столичнаго архіепископа, который, какъ представитель соборовъ и правящаго синода, получаетъ титулъ всероссійскаго патріарха.

Задавшись вполнѣ естественнымъ вопросомъ: какъ же возможно достигнуть великой цѣли возстановленія

канонической свободы православной церкви въ Россіи, группа Петербургскихъ священниковъ высказала свое глубокое убѣжденіе, что отвѣтъ на подобный вопросъ можетъ быть только одинъ: *чрезъ особо и спеціально для того созванный помѣстный соборъ русской церкви.*

Простое совпаденіе времени подачи петиціи Петербургскаго духовенства, возбуждавшей вопросъ о созваніи собора и возстановленіи патріаршества, съ состоявшимся вслѣдъ за тѣмъ аналогичнымъ постановленіемъ Св. Синода подало поводъ многимъ представителямъ періодической прессы совершенно невѣрно приписывать запискѣ 32 столичныхъ священниковъ роль иниціативы и значеніе своеобразной программы, заранѣе предрѣшавшей самый характеръ намѣченной крупнѣйшей реформы.—„Вопросъ (о возрожденіи русской церковной жизни)“, писалось на страницахъ „Русскаго Дѣла“ [1]), удѣлявшаго не мало вниманія намѣченнымъ церковнымъ преобразованіямъ, „уже поставленъ оффиціально и... крайне ненормально. 15-го марта его выдвинула группа Петербургскаго духовенства, надо думать, не безъ вѣдома того самаго митрополита, которому и представила свое рѣшеніе, а 17-го марта св. Синодъ, до послѣдняго времени спокойно управлявшій на старыхъ основаніяхъ и даже, въ лицѣ духовной цензуры, заглушавшій свободное отстаиваніе каноническихъ устоевъ церкви, постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о возстановленіи патріаршества и созваніи помѣстнаго собора. При этомъ Синодъ рѣшилъ произвести избраніе патріарха въ текущую сессію... Поспѣшность“, съ удивленіемъ замѣтилъ авторъ цитируемыхъ строкъ, „поистинѣ поразительная, вызывающая представленіе скорѣе о такъ называемой Виттевой пляскѣ, чѣмъ о серьезномъ обсужденіи святого и великаго дѣла“.

Въ періодической печати появились даже рѣзкія статьи, самымъ недвусмысленнымъ образомъ замѣнившія поставленную на очередь церковную реформу хитро задуманнымъ *церковнымъ переворотомъ*. Въ томъ же „Русскомъ

[1]) Русское дѣло. 1905 г. Особое прибавленіе къ № 11, стр. 4.

Дѣлѣ“ [1]), а затѣмъ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ [2]) были напечатаны спеціальныя статьи, невольно обращавшія на себя вниманіе своимъ крикливымъ заглавіемъ: „Церковный переворотъ“. „Не болѣе недѣли назадъ“, писали „Московскія Вѣдомости“, „никто изъ православныхъ русскихъ людей,—кромѣ, можетъ быть, немногихъ посвященныхъ въ тайны митрополита Антонія и С. Ю. Витте,—не подозрѣвалъ, что къ числу множества переворотовъ и попытокъ къ переворотамъ, приводящихъ Россію во внутреннее безсиліе..., присоединится еще переворотъ церковный... И вотъ внезапно, въ теченіе недѣли,—одно за другимъ посыпались извѣстія объ очевидно подготовленномъ заранѣе переворотѣ русскаго церковнаго управленія... Стало извѣстно, что 15 марта собралась какая-то „группа“ петербургскаго духовенства, резолюція которой гласила о необходимости возстановленія патріаршества и созваніи помѣстнаго собора. Эта резолюція была передана митрополиту Антонію. А 17-го марта въ Синодѣ, предсѣдательствуемомъ тѣмъ же митрополитомъ Антоніемъ, уже состоялось рѣшеніе объ избраніи патріарха и созывѣ помѣстнаго собора. Итакъ—съ явнымъ намѣреніемъ дискредитировать задуманное дѣло замѣтили „Московскія Вѣдомости“,—все совершено въ семь дней. Одно — низвергнуто, другое—поставлено вверху горы,—и рѣшенъ краеугольный вопросъ православной церкви и русскаго государства. Все это сдѣлано очень ловко. Никто ничего не зналъ. Вся православная русская церковь находилась въ полномъ невѣдѣніи о замыслахъ кружка духовенства, произведшаго переворотъ. Въ семь дней—рядъ ловкихъ ударовъ,—и судьба русской церкви внезапно оказалась въ остромъ кризисѣ“.

Не имѣя точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи поставленнаго на очередь церковнаго вопроса и вращаясь исключительно въ области мало провѣренныхъ слуховъ [3]), „Московскія Вѣдомости“ обруши-

[1]) 1905 г. № 14, стр. 7—8.

[2]) 1905 г. № 83.

[3]) Московскія вѣдомости. 1905 г. № 88. Кн. Мещерскій о церковной реформѣ.

лись на Св. Синодъ съ тяжелыми обвиненіями въ крайней неканоничности его дѣйствій, замѣтивъ, что, если все это было сдѣлано и очень ловко, то уже во всякомъ случаѣ *ничуть не церковно*. „Святое дѣло", поучала московская газета [1]), „ведется открыто, безъ лихорадочной торопливости; дѣло церковное совершается церковью, а не какимъ либо отдѣльнымъ кружкомъ. Между тѣмъ, въ постановленіи Синода,—не имѣющаго, по существующимъ узаконеніямъ, даже права возбуждать эти вопросы, *предрѣшена* вся судьба русской церкви. Ходатайствуется о созывѣ собора, но обязанности собора уже *заранѣе предрѣшены*. Постановленіе Синода не спрашиваетъ: желаетъ ли соборъ избранія патріарха, желаетъ ли онъ уничтоженія оберъ-прокуратуры? Постановленіе Синода уже все рѣшило *до собора и за соборъ*. Выставляется даже чуть не обязательный кандидатъ въ будущіе патріархи—все тотъ же самый С.-Петербургскій митрополитъ Антоній"... Никогда еще, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей", русская церковь не испытывала болѣе произвольнаго обращенія и бо́льшаго пренебреженія къ ея волѣ и мысли, какъ въ этомъ семидневномъ переворотѣ.

Отсутствіе точныхъ, оффиціальныхъ сообщеній о первыхъ шагахъ, предпринятыхъ Св. Синодомъ по пути къ осуществленію вызываемой запросами и требованіями времени церковной реформы, создавъ благопріятную почву для появленія всевозможнаго рода непровѣренныхъ слуховъ и сомнительныхъ извѣстій, невольно заставило многихъ русскихъ людей въ значительной степени насторожиться и подозрительно отнестись къ возможнымъ результатамъ задуманнаго дѣла. Довольно типичными образчиками такого недовѣрчиваго отношенія къ намѣченной синодальными сферами церковной реформѣ могутъ быть признаны, по нашему мнѣнію: „Сыновнее посланіе Николая Дурново митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому киръ-Антонію II" [1]), сообщеніе Новоселова „О возсозданіи

---

[1]) Русское Дѣло. 1905 г. № 12, стр. 1—3.

живой церковности въ Россіи“ [1]), появившіяся на страницахъ „Русскаго Дѣла“, и статья „Почему 32?“, напечатанная въ одномъ изъ номеровъ „Новаго Времени“ [2]).

Отмѣтивъ фактъ подачи митрополиту Антонію извѣстной записки петербургскихъ священниковъ о необходимости серьезныхъ измѣненій въ существующемъ строѣ церковнаго управленія и поставивъ въ непосредственную зависимость отъ нея появившіяся сообщенія о предстоящемъ созывѣ помѣстнаго собора и возстановленіи патріаршества въ Россіи, авторъ сыновняго посланія писалъ, что извѣстія о созваніи собора и возстановленіи патріаршества могли бы только порадовать православный русскій народъ, если бы онъ, къ несчастію, не потерялъ уже послѣдняго довѣрія къ духовно-сословному вѣдомству, поработившему церковь и лишившему ее всякаго животворнаго дѣйствія. Проектируемый с.-петербургскими духовно-сословными, *не народными,* іереями, соборъ архипастырей съ заранѣе предвзятою и предрѣшенною мыслью учредить патріаршество, по его словамъ, не можетъ быть одобренъ ревнителями церкви. Правда, онъ признавалъ, что группа петербургскихъ священниковъ высказала много здравыхъ мыслей о возстановленіи въ Россіи каноническаго церковнаго строя, но въ то же время не видѣлъ въ ея памятной запискѣ никакой гарантіи того, что нужды вѣрующаго народа не будутъ предпочтены въ задуманномъ дѣлѣ домогательствамъ духовной касты, желающей присвоить себѣ права *народа, составляющаго самое тѣло церкви.* Заявивъ объ отсутствіи довѣрія у всей православной Россіи къ пр. Синоду, какъ государственному, политическому, а не церковному учрежденію, Дурново нашелъ даже возможнымъ рѣшительно завѣрять митрополита Антонія, что нашъ народъ не ожидаетъ никакого добра для русской церкви отъ петербургскаго духовно-сословнаго вѣдомства. Выходя изъ того основнаго положенія, что церковь должна быть свободною въ отправленіи своихъ религіозныхъ обязанно-

---

[1]) Тамъ же. Особое прибавленіе къ № 11.

[2]) № 10, 439.

стей, онъ выступилъ съ рѣзкимъ протестомъ противъ первыхъ шаговъ Св. Синода, направленныхъ къ проведенію въ жизнь намѣченной церковной реформы, замѣтивъ, что „не антиканоничному Синоду, состоящему изъ іерарховъ, *подобранныхъ* гражданскою властью, не членамъ Синода и митрополитамъ, *назначеннымъ* на каѳедры тою же властію, предрѣшать дѣла, подлежащія рѣшенію русскаго помѣстнаго собора, а *соборной комиссіи*". Соборную же комиссію авторъ своеобразнаго сыновняго посланія проектировалъ учредить изъ іерарховъ, которыхъ добровольно по запискамъ предложатъ сами епископы, и извѣстныхъ канонистовъ-мірянъ. И только при такихъ условіяхъ русская церковь, по его мнѣнію, могла бы быть увѣрена, что рѣшенія собора будутъ свободны и іерархи не окажутся тамъ подъ давленіемъ всесильныхъ гражданскихъ сановниковъ духовнаго вѣдомства [1]).

Недовѣріе къ петербургскому церковному правительству, заставившее Дурново и „Русское Дѣло" заявить, что проектируемый „антиканоническимъ" Синодомъ помѣстный соборъ явится только новымъ торжествомъ духовной бюрократіи, новыми узами, въ которыя вѣдомство закуетъ русскую церковь руками самихъ ея іерарховъ, ясно выразилось и въ отмѣченномъ нами сообщеніи г. Новоселова, сдѣланномъ въ частномъ московскомъ кружкѣ

---

[1]) Русское Дѣло. 1905 г. № 12, стр. 3. Правда центръ тяжести цитируемаго письма, его главная и основная мысль заключалась въ стремленіи автора доказать во что бы то ни стало, что только одна древняя, первопрестольная Москва можетъ служить удобнымъ мѣстомъ функціонированія проектируемой имъ соборной комиссіи, и что только здѣсь, въ православно-русской Москвѣ, возможно созваніе помѣстнаго собора и возстановленіе законнаго патріаршества. Но мы не видимъ особенной необходимости останавливаться на этой главной и основной идеѣ Дурново, такъ какъ она не прибавляетъ ничего цѣннаго къ работѣ общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ и только изобличаетъ въ авторѣ усерднаго московскаго патріота, не желающаго даже признавать совершившагося факта закрытія верховной патріаршей каѳедры въ Москвѣ, а не публициста съ широкимъ историческимъ взглядомъ на вещи, всегда обязаннымъ считаться съ измѣняющимися условіями народной и государственной жизни.

православныхъ ревнителей церкви [1]). Замѣтивъ, что русская церковная политика синодальнаго періода представляетъ собою поучительный образецъ того, чего не слѣдуетъ дѣлать, такъ какъ во всѣхъ инстанціяхъ церковнаго управленія у насъ сдѣлано все, что было въ силахъ правительства для подчиненія церкви государству, авторъ сообщенія стремился доказать, что господствующая въ настоящее время бюрократическая система церковнаго управленія абсолютно неспособна создать истинно-церковную жизнь; не уничтожаясь сама, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ выпустить церковь на свободу, на жизнь по закону духа самой церкви. Вполнѣ понятно, что при такихъ взглядахъ Новоселовъ долженъ былъ отнестись крайне подозрительно и недовѣрчиво къ возможнымъ результатамъ состоявшагося постановленія Св. Синода, ходатайствовавшаго предъ Государемъ о созваніи помѣстнаго собора и возстановленіи патріаршества.

Признавъ въ высшей степени ненормальнымъ то печальное обстоятельство, что высшія, руководящія церковныя сферы, привыкшія дѣйствовать изолированно отъ православнаго народа, составляющаго самое тѣло церкви, съ неизбѣжнымъ при этомъ произволомъ, не освободились отъ своей дурной привычки и въ данномъ случаѣ, такъ что важнѣйшее постановленіе Синода явилось полнѣйшею неожиданностью, и русскіе люди узнали о немъ лишь по газетнымъ слухамъ, а не непосредственно отъ своихъ архипастырей, авторъ сообщенія настойчиво и энергично пропагандировалъ мысль о настоятельной необходимости принять непосредственное, активное участіе въ разработкѣ вопроса о преобразованіи нашей церкви самому русскому народу, самимъ православнымъ мірянамъ. Иначе, по его глубокому убѣжденію, намъ угрожаетъ серьезная опасность, что возрожденіе русской церкви совершится не дѣйствительно свято и канонически, а только для видимости и съ замѣною однихъ неправильностей другими.

---

[1]) Русское Дѣло. 1905 г. Особое прибавленіе къ № 11.

Для избѣжанія такой серьезной опасности Новоселовъ и предложилъ частному кружку православныхъ ревнителей церкви, въ противовѣсъ постановленію Св. Синода, изобилующему, по его мнѣнію, многими крупными ошибками, возбудить предъ Государемъ особое ходатайство. Газетныя извѣстія о мнимомъ рѣшеніи Св. Синода въ текущую же сессію избрать всероссійскаго патріарха, возбуждавшія во многихъ довольно естественныя опасенія, что все дѣло можетъ ограничиться простою замѣною Синода патріархомъ, вызвали въ кружкѣ особенно энергичные протесты противъ извѣстнаго ходатайства Св. Синода. „Православные люди", говорилъ Новоселовъ [1]), „не могутъ предоставить патріарху тѣхъ преувеличенныхъ правъ, какими Синодъ, въ силу самой своей неканоничности, облеченъ въ отношеніи нашихъ епископовъ и даже простыхъ мірянъ въ ихъ приходской жизни. Поэтому намъ, — мірянамъ, теперь же надлежитъ войти къ своему Царю со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ осуществить назрѣвшую потребность..., избѣгнувъ ошибокъ, въ которыя впали въ своемъ постановленіи синодскіе архипастыри. Мы должны просить Государя, чтобы онъ, *(не давая соизволенія на исполненіе постановленія св. Синода)*, соблаговолилъ объявить дѣломъ первой необходимости правильное устроеніе русской церкви, немедленно *по окончаніи войны;* въ виду же предстоящаго послѣ войны созыва помѣстнаго собора обязаны просить Государя Императора Высочайше обратить вниманіе архипастырей, пастырей и всѣхъ православныхъ мірянъ, ревнующихъ о благѣ церкви, *подготовить, каждому по мѣрѣ силъ, тѣ соображенія о разныхъ сторонахъ церковной жизни и устройства, которыя должны быть представлены будущему собору, какъ матеріалъ для обсужденія*".

Та же невольная подозрительность и то же недовѣріе къ высшимъ руководителямъ задуманной церковной реформы,—подозрительность и недовѣріе, къ сожалѣнію, вполнѣ естественныя при полной неосвѣдомленности об-

[1]) Тамъ же, стр. 4.

щества и предполагаемомъ имъ устраненіи общественныхъ силъ отъ непосредственнаго участія въ совмѣстной съ іерархіей работѣ надъ рѣшеніемъ поставленныхъ на очередь важнѣйшихъ церковно-общественныхъ вопросовъ, очевидно, побудили и одного изъ профессоровъ С.-Петербургской духовной академіи написать, уже отмѣченную нами, довольно интересную статью, появившуюся на страницахъ „Новаго Времени“. Авторъ ея, проф. Никольскій, нисколько не скрывалъ своего невольнаго недовѣрія. Въ такихъ крупныхъ вопросахъ, какъ система церковнаго управленія и ненормальности церковной жизни, по его словамъ, необходимо отсутствіе и тѣни недоразумѣній; иначе всегда останется мѣсто *подозрѣнію, что въ данномъ случаѣ руководящія лица не столько хлопочутъ о пользѣ церковной, сколько ведутъ борьбу за власть, за личныя преимущества.* Повидимому, при полномъ отсутствіи какихъ либо опредѣленныхъ оффиціальныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ положеніи задуманнаго дѣла, онъ имѣлъ и нѣкоторыя основанія для подобнаго рода подозрѣній. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ почти вся Россія, съ нервнымъ нетерпѣніемъ ожидающая необходимыхъ преобразованій, съ поразительнымъ единодушіемъ требовала, чтобы намѣченныя реформы совершались не въ интересахъ небольшого кружка лицъ, а по волѣ и желанію всего русскаго народа, путемъ опроса его выборныхъ представителей, оффиціальные руководители церкви призывали всѣхъ къ сохраненію существующихъ государственныхъ порядковъ и порицали стремленія общества къ полученію бо́льшей свободы въ самоуправленіи. Неудивительно, что, когда газеты совершенно неожиданно сообщили о подачѣ митрополиту Антонію извѣстной записки петербургскихъ священниковъ и поспѣшили придать ей характеръ и значеніе документа, *предрѣшавшаго* сложный вопросъ объ управленіи русскою церковью на новыхъ началахъ, въ потерявшемъ довѣріе обществѣ легко могла возникнуть подозрительная мысль, что предстоящая реформа будетъ выполнена по программѣ только небольшого кружка заинтересованныхъ лицъ.

Особенно подозрительнымъ долженъ былъ показаться обществу крайне односторонній составъ того помѣстнаго собора, который, по газетнымъ извѣстіямъ, долженъ былъ наскоро рѣшить вопросъ о переустройствѣ церковнаго управленія. Составленный исключительно изъ представителей иночества и церковной власти, проектируемый помѣстный соборъ, по мнѣнію автора интересующей насъ статьи, не могъ бы дать никакой гарантіи въ томъ, что реформа приметъ въ соображеніе всѣ интересы церкви и не принесетъ больше дѣйствительнаго вреда, чѣмъ обѣщаемой пользы. Опираясь на несомнѣнные историческіе факты, онъ высказывалъ серьезное опасеніе, что епископы—члены предполагаемаго собора, какъ представители монашества, далекаго отъ міра, не знающаго жизни и вслѣдствіе этого не способнаго охватить обще-церковную пользу во всей ея полнотѣ и многообразіи, не справятся съ реформою, которая затрогиваетъ и интересы мірянъ, и интересы государства, и интересы науки, и интересы пастырства, и будутъ проводить ее прежде всего въ интересахъ епископства и монашества, въ интересахъ власти епископской и ея значенія въ государствѣ. „Но эти интересы", замѣтилъ онъ, „далеко не равны интересамъ общецерковнымъ: отъ цезарепапизма они могутъ привести къ папизму, крайности еще менѣе желательной, чѣмъ цезарепапизмъ, а обще-церковное дѣло можетъ остаться въ сторонѣ".

Согласившись, что основная, хотя и скрытая тенденція записки—уничтоженіе оберъ-прокурорской должности и устраненіе свѣтскаго чиновничества отъ участія въ управленіи церковью—можетъ быть отчасти признана правильною, авторъ статьи „Почему 32?" не находилъ, однако же, достаточныхъ основаній утверждать, что вмѣсто прежней системы управленія должна быть введена именно та, которую предлагали петербургскіе священники, и что эта новая система управленія будетъ лучше, каноничнѣе прежней. Заявленіе составителей записки, что они требуютъ „возстановленія начертаннаго канонами строя церковной жизни", какъ единственно авторитетнаго, вызвало съ его стороны, вполнѣ естественное съ точки зрѣнія исто-

рика, замѣчаніе, что *каноны въ одно время были однимъ, а въ другое другимъ,* и что все церковное устройство, начертанное канонами, нельзя представлять себѣ какъ нѣчто постоянное, не измѣнявшееся подъ давленіемъ исторической жизни. Вотъ почему и по поводу требованія — возвратиться всецѣло къ каноническому строю древней церкви — придется еще первоначально выяснить, что же слѣдуетъ считать дѣйствительно древнимъ каноническимъ строемъ? Мнѣніе же 32 священниковъ относительно того, въ чемъ состоялъ истинно-древній, канонический строй церковнаго самоуправленія, который необходимо долженъ быть воспроизведенъ въ настоящее время, является лишь мнѣніемъ среди мнѣній, ни въ чьихъ глазахъ не имѣющимъ надлежащей авторитетности.

Критикуя проектируемый запискою планъ церковной реорганизаціи, авторъ разсматриваемой статьи замѣтилъ, что хотя составители записки и положили въ основу намѣченнаго ими каноническаго строя начала соборности, но не дали никакихъ гарантій тому, что эта соборность не окажется простою фикціей и будетъ въ состояніи устранять произволъ и усмотрѣніе патріарха съ существующимъ при немъ Синодомъ. „Было бы ни съ чѣмъ несообразно“, писалъ онъ, „если бы въ настоящее время, когда всѣ общественные слои стремятся къ ослабленію централизаціи власти, ея произвола, и къ усиленію законности, въ одномъ духовномъ вѣдомствѣ возродился бы вдругъ папизмъ съ его нетерпимостью и „свободою“, равною произволу... А между тѣмъ, такой папизмъ можетъ угрожать и русской церкви, потому что та система управленія, которая предложена 32 загадочными іереями, слишкомъ много принимаетъ къ сердцу интересы іерархіи и мало думаетъ объ интересахъ клира и народа, ради котораго и существуетъ іерархія“. Двусмысленно выражаясь о выборномъ началѣ, умалчивая о необходимости устранить изъ отношеній епископовъ къ подчиненнымъ имъ лицамъ характеръ произвола, совершенно не упоминая о неизбѣжности реформы духовной школы, дошедшей до очевиднаго разложенія, записка видитъ панацею отъ всѣхъ церковныхъ золъ въ

намѣченныхъ ею формахъ управленія, какъ будто бы положеніе дѣлъ не можетъ оказаться еще худшимъ, замѣчаетъ петербургскій академическій профессоръ, „если папою станетъ ограниченный въ своихъ воззрѣніяхъ іерархъ, который будетъ управлять церковью съ точки зрѣнія аскетическихъ началъ“.

Церкви нужна свобода, но такой свободы авторъ и не предвидитъ при намѣченномъ патріаршемъ, монашескомъ режимѣ, потому что, по его словамъ, „иночество требуетъ прежде всего повиновенія, „покоренія и послушанія“, но не беззавѣтнаго служенія идеаламъ Христа, во всей ихъ евангельской чистотѣ и полнотѣ“. Выходя изъ такой точки зрѣнія, проф. Никольскій и пришелъ къ заключенію, что предстоящая церковная реформа, обязательно еще требующая предварительнаго обсужденія со стороны всего духовенства и представителей богословской науки, можетъ быть съ пользою проведена только въ томъ случаѣ, если будетъ отвѣчать общему желанію членовъ церкви, а не отдѣльнаго кружка лицъ, и окажется разумно согласованной съ историческими условіями русской жизни и ожидаемыми реформами въ нашемъ государственномъ строѣ.

Петербургскія синодальныя сферы, возбудившія ходатайство предъ Высочайшею властью о проведеніи въ жизнь назрѣвшей церковной реформы, повидимому, не ожидали встрѣтить въ повременной печати и въ широкихъ общественныхъ кругахъ такого неблагопріятнаго отношенія къ своимъ планамъ, которое, казалось, въ самомъ началѣ, въ самомъ зародышѣ, грозило совершенно погубить задуманное дѣло [1]). Правда, главная, основная мысль о

---

[1]) См. письмо епископа Сергія, викарія С.-Петербургскаго митрополита, помѣщенное на страницахъ „Русскаго Дѣла“. (1905 г. № 15, стр. 8—9). „У Васъ въ Москвѣ“, писалъ близкій сотрудникъ митрополита Антонія, „идетъ агитація противъ церковной реформы, о которой ходатайствуетъ св. Синодъ. *Мы здѣсь всѣ* жалѣемъ о такомъ оборотѣ дѣла: отъ Москвы мы ожидали поддержки, а не оппозиціи. Несправедливо *проваливать* великое дѣло только потому, что въ его производствѣ оказались формальныя неточности“.

необходимости освобожденія нашей церковной жизни отъ тяжелой бюрократической опеки и организаціи церковнаго управленія на древнихъ каноническихъ началахъ вызвала искреннее и глубокое сочувствіе подавляющаго большинства періодическихъ изданій. Но старый *бюрократическій* путь, какой былъ избранъ для осуществленія новаго дѣла высшей іерархіи, оставившей общество—это полноправное „тѣло церкви"—въ полномъ невѣдѣніи относительно дѣйствительнаго, внутренняго смысла намѣченной реформы, невольно возбудилъ во многихъ лицахъ, даже сочувствовавшихъ первымъ признакамъ церковнаго оживленія, вполнѣ понятное съ психологической точки зрѣнія опасеніе, что предполагаемыя преобразованія существующаго строя исключительно только одними представителями то-же самаго несовершеннаго строя неминуемо окажутся односторонними. Реакціонная же пресса, прекрасно понимая, что начавшееся церковное оживленіе находится въ тѣсной и неразрывной связи съ широкимъ общественнымъ движеніемъ, направленнымъ къ переустройству государственнаго управленія, не только выступила съ рѣзкими протестами противъ задуманнаго дѣла, но и не поскупилась на всевозможныя инсинуаціи, разсчитанныя на то, чтобы дискредитировать поставленную на очередь реформу въ глазахъ высшей государственной власти.

Серьезная опасность, начавшая угрожать церковной реформѣ подъ вліяніемъ неблагопріятнаго отношенія къ ней извѣстной части общества и печати, невольно вызвала въ прессѣ появленіе полуоффиціальныхъ разъясненій, направленныхъ къ оправданію Св. Синода въ несправедливыхъ обвиненіяхъ и къ проведенію въ общественное сознаніе болѣе правильныхъ взглядовъ на самый ходъ начавшагося церковнаго движенія. Правда, Св. Синодъ не выступалъ, конечно, непосредственно съ такого рода объясненіями, но одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ первенствующаго синодальнаго члена, епископъ Сергій, хорошо освѣдомленный о положеніи дѣла и, повидимому, не

безъ вѣдома[1]) высшихъ заинтересованныхъ лицъ, нашелъ нужнымъ выступить съ печатнымъ опроверженіемъ различныхъ непровѣренныхъ слуховъ, выставлявшихъ въ невѣрномъ освѣщеніи возникшее движеніе и вызывавшихъ сильныя опасенія за возможность сведенія всей намѣченной широкой реформы къ простой замѣнѣ однѣхъ крайностей другими.

„Много говорятъ невѣрнаго“, утверждалъ онъ въ своемъ письмѣ на имя редактора „Русскаго Дѣла“[2]), о самомъ ходѣ дѣла (церковной) реформы. Изображаютъ его въ видѣ какого-то „Петербургскаго дѣйства“ новой поповской формаціи. Какіе-то петербургскіе священники собрались гдѣ-то по секрету, настрочили петицію митрополиту, митрополитъ ее въ Синодъ и пошла писать... Имѣю всѣ основанія утверждать, что эта пресловутая записка совсѣмъ не имѣла такого значенія. Она *только одновременна* съ вопросомъ о реформѣ и подана она владыкѣ—митрополиту уже тогда, когда вопросъ изъ Комитета министровъ перешёлъ въ Синодъ. Не могла она быть ни стимуломъ, ни программой синодскихъ разсужденій. Можно вполнѣ быть спокойнымъ: дѣло это отнюдь не носитъ на себѣ признаковъ какой-то подпольной революціи, воспользовавшейся смутой въ государствѣ; оно началось *сверху,* и, смѣю думать, скорѣйшее разрѣшеніе его послужитъ лишь къ подъему общей нашей народной жизни“.

Гораздо труднѣе было защитить Св. Синодъ отъ многочисленныхъ нареканій, возникшихъ на почвѣ распространенныхъ предположеній, что Синодъ своимъ постановленіемъ поспѣшилъ уже *предрѣшить* характеръ намѣченной церковной реформы. Желая ослабить силу и значеніе такихъ обвиненій, епископъ Сергій ссылался на то, что все образованное и православное общество прекрасно по-

---

[1]) По крайней мѣрѣ, епископъ Сергій въ своемъ, цитированномъ уже, письмѣ говорилъ, какъ мы видѣли, не только лично отъ себя, но и отъ всѣхъ петербургскихъ заинтересованныхъ лицъ. (*„Мы здѣсь всѣ“*)...

[2]) 1905 г. № 15.

нимаетъ, чего недостаетъ нашей церкви и въ чемъ должна состоять церковная реформа. Конечно, въ общественномъ сознаніи не мало и разнообразія въ деталяхъ, но въ главномъ и существенномъ, по его словамъ, сходятся всѣ партіи, одинаково желающія соборности и, какъ символа этой соборности и отмѣны бюрократіи, патріаршества. Вотъ почему, когда съ высоты царскаго Престола было заявлено желаніе обратить должное вниманіе на нужды церкви, засѣдавшіе въ Синодѣ архіереи поступили такъ, какъ только и могли поступить, заявивъ, что церкви нуженъ соборъ и патріархъ. Соглашаясь, что въ настоящее время невозможно *предрѣшать* подробностей въ преобразованіяхъ общецерковной, епархіальной и приходской жизни, авторъ интересующаго насъ письма находилъ даже возможнымъ отрицать самый фактъ обсужденія подобныхъ вопросовъ Св. Синодомъ. Но, признавая необходимымъ ожидать, когда безчисленные вопросы подвергнутся публичному обсужденію и будутъ выработаны для каждой детальной реформы обстоятельные проекты, Св. Синодъ не могъ предоставить церкви довольствоваться до тѣхъ поръ только тѣмъ, что у нея есть, такъ какъ это значило—отложить вопросъ въ безконечность и самую реформу подвергнуть опасности быть забытой и заглохнуть.

Заключая въ себѣ не мало цѣнныхъ указаній, проводившихъ въ общественное сознаніе болѣе правильныя представленія о дѣйствительномъ ходѣ церковнаго движенія, письмо петербургскаго викарнаго епископа оказалось, однако же, далеко недостаточнымъ для того, чтобы уничтожить въ различныхъ общественныхъ кругахъ сильно укоренившееся недовѣріе къ возможнымъ результатамъ церковной реформы, если практическое осуществленіе ея пойдетъ по пути, намѣченному Св. Синодомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сама по себѣ идея соборнаго управленія церковью и уничтоженія бюрократическаго режима безусловно могла разсчитывать на всеобщее сочувствіе, то идея патріаршества, выставляемаго авторомъ отмѣреннаго письма въ качествѣ „символа соборности и отмѣны бюрократіи“, отличается еще настолько неопредѣленнымъ характеромъ,

что по необходимости нуждается въ предварительныхъ точныхъ объясненіяхъ, къ какой отмѣнѣ бюрократіи стремится Св. Синодъ и какимъ образомъ онъ думаетъ достичь этой цѣли посредствомъ учрежденія патріаршества.

Съ этой точки зрѣнія редакція той газеты, гдѣ было помѣщено письмо епископа Сергія, имѣла достаточныя основанія задаться недоумѣннымъ вопросомъ, почему же слѣдуетъ считать, что патріархъ есть символъ упраздненія бюрократизма вообще? „Если государственное единоличное правленіе весьма уживается съ бюрократіей", читаемъ въ редакціонной замѣткѣ по поводу цитированнаго письма [1]), „то почему не можетъ быть бюрократизма при патріархѣ?... Бюрократія одинаково можетъ уживаться и съ Синодомъ оберъ-прокурорскаго типа, и съ патріархомъ. Отъ того и нынѣшній Синодъ бюрократическаго типа старается и желаетъ патріарха; теперешній бюрократизмъ работаетъ на постороннее лицо, оберъ-прокурора, а новый бюрократизмъ всецѣло принадлежалъ бы духовной кастѣ въ лицѣ ея главы—патріарха". Основаніемъ для такихъ пессимистическихъ взглядовъ на характеръ управленія русскою церковью при патріархѣ, имѣющемъ быть возстановленнымъ *по программѣ св. Синода*, служитъ, по мысли редакціонной замѣтки, то немаловажное обстоятельство, что самый Синодъ, желающій будто бы свергнуть иго бюрократіи, обнаруживаетъ полную неспособность освободиться отъ глубоко внѣдрившагося въ него бюрократическаго духа. „По словамъ еп. Сергія", читаемъ здѣсь, „Синодъ нашелъ возможнымъ, не собирая собора, рѣшить, что нуженъ... патріархъ; это рѣшено такъ сказать per acclamationem. Да развѣ", спрашиваетъ авторъ замѣтки, „бюрократія не въ этомъ-то и выражается, что она, почитая ненужнымъ спрашивать заинтересованныхъ и, по возможности, обезличивая даже своихъ мѣстныхъ дѣятелей, все знаетъ per acclamationem бюрократовъ?"

Не болѣе успѣха имѣли и другія косвенныя попытки представителей высшей церковной іерархіи, хорошо зна-

[1]) Тамъ же, стр. 9—10.

комыхъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, если не совсѣмъ уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, въ значительной степени ослабить общественное недовѣріе къ не вполнѣ выяснившимся планамъ Св. Синода реорганизовать церковное управленіе путемъ возстановленія патріаршества. Имѣемъ въ виду небольшое, но любопытное заявленіе Балахнинскаго епископа Исидора, гдѣ онъ, *подчеркнувъ, по случаю пріѣзда въ Петербургъ, свою освѣдомленность* о ходѣ интересующаго насъ дѣла, писалъ, что „митрополитъ Антоній со штатомъ и С. Ю. Витте—не политиканы и не клерикалы“ [1]), какими ихъ старались представить нѣкоторые органы періодической прессы. „Не они хотятъ“, утверждалъ онъ, „подъ видомъ церковнаго возрожденія служить политиканскимъ (и отчасти очень опаснымъ и подозрительнымъ) планамъ. Не они „насильничаютъ надъ церковью“. Когда будетъ напечатанъ самый текстъ доклада св. Синода Государю Императору, обнаружится ясно и величественно, *на какой высотѣ истинно-церковнаго самосознанія* и любви къ отечеству были іерархи, писавшіе этотъ докладъ, и сочувствующіе имъ государственные люди“.

Конечно, простыя заявленія „освѣдомленныхъ“ лицъ, близко стоящихъ къ синодальнымъ сферамъ, даже сдѣланныя въ такой категорической формѣ, были безсильны подорвать и уничтожить общественное недовѣріе, такъ какъ, къ крайнему сожалѣнію, русское общественное сознаніе не получило въ свое распоряженіе тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя, по словамъ еп. Исидора, могли бы ясно и величественно обнаружить, на какой высотѣ истинно-церковнаго самосознанія стояли иниціаторы церковной реформы. Вотъ почему и теперь, когда прошло уже не мало времени послѣ состоявшагося постановленія Св. Синода о необходимости созванія помѣстнаго собора и избранія патріарха, не смотря на всѣ категорическія завѣренія освѣдомленныхъ лицъ, въ періодической печати

---

[1]) Московскія Вѣдомости. 1905 г. № 95. Помѣщая свое письмо въ одномъ изъ повременныхъ изданій, авторъ просилъ перепечатать его и другія газеты.

по-прежнему нерѣдко продолжаютъ приписывать задуманной св. Синодомъ церковной реформѣ крайне узкій и односторонній характеръ.

„Содержаніе проектированныхъ Синодомъ реформъ было таково", читаемъ, напр., во внутреннемъ обозрѣніи „Русской Мысли" [1]), „что оно касалось исключительно только возвышенія и самостоятельности высшихъ представителей духовной іерархіи. Единственною цѣлью собора ставилось избраніе всероссійскаго патріарха. Конечно—замѣтилъ обозрѣватель—теперешнее устройство не обезпечивало независимости церкви; но мы не видимъ, почему она будетъ болѣе обезпечена при патріаршествѣ. Чѣмъ этотъ патріархъ, представляющій доклады Государю, будетъ въ сущности отличаться отъ оберъ-прокурора или вообще отъ министра, завѣдующаго отдѣльнымъ вѣдомствомъ?" То, что нужно теперь, а именно—участіе народа въ законодательствѣ и въ управленіи государствомъ, по его словамъ, менѣе всего и составляло предметъ заботъ синодальныхъ сторонниковъ патріаршества даже въ ихъ спеціально-церковной сферѣ. Основываясь на томъ общепризнанномъ фактѣ, что нигдѣ не существуетъ такого безапелляціоннаго деспотизма—съ одной стороны, и такого безправія—съ другой, какъ въ отношеніяхъ епархіальныхъ архіереевъ къ подчиненному имъ духовенству, „Русская Мысль" и высказывала убѣжденіе, что помѣстный соборъ, который св. Синодъ предполагалъ составить исключительно только изъ однихъ епархіальныхъ архіереевъ, безъ сомнѣнія, не измѣнилъ бы традиціонныхъ ненормальныхъ отношеній.

Еще болѣе пессимистическіе взгляды на дѣйствительную цѣнность задуманной Синодомъ церковной реформы встрѣчаются на страницахъ „Вопросовъ Жизни",—журнала, наиболѣе чуткаго къ интересамъ нравственно-религіозной жизни. Здѣсь также все дѣло церковной реформы, намѣченной Св. Синодомъ, сводится къ простой замѣнѣ „оберъ-прокурорскаго мундира архіерейской рясой", съ присвоеніемъ патріарху права доклада при дворѣ, и даже кате-

[1]) Русская Мысль. 1905 г. кн. V, стр. 252—253.

торически, хотя и безъ всякихъ фактическихъ основаній, заявляется, что „ничего другого въ синодальномъ проектѣ не было". Предрѣшенный духовными правящими сферами „черный соборъ", по словамъ отмѣченнаго журнала [1]), въ такой же степени осуществлялъ собою идею нормальнаго, каноническаго помѣстнаго собора, въ какой „требованіе созыва свободно избранныхъ представителей народа осуществилъ бы съѣздъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, съѣхавшихся для выбора изъ своей среды министра-президента или министра внутреннихъ дѣлъ".

Вмѣсто идеи свободнаго церковнаго собора, писалъ авторъ цитируемой статьи, „немедленно была пущена въ ходъ бюрократическая поддѣлка. Не трудно предвидѣть, что могъ бы натворить этотъ импровизованный лжесоборъ... ...Клерикальная бюрократія, прикрывшись авторитетомъ соборности, еще разъ узурпировала бы голосъ церкви и еще разъ предала бы кесарю Божіе и выступила бы противъ народа и народнаго освобожденія".

Широкое общественное недовольство неправильною постановкою дѣла осуществленія назрѣвшей церковной реформы, находящейся въ тѣсной и неразрывной связи съ коренными преобразованіями всей нашей государственной жизни, не осталось, повидимому, безъ вліянія и на самую судьбу важнѣйшаго постановленія св. Синода, возбудившаго ходатайство предъ Государемъ Императоромъ о созваніи собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи. „Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора", написалъ, какъ извѣстно, 31 марта 1905 года Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ докладѣ св. Синода. Но, признавъ невозможнымъ провести въ настоящее время церковную реформу по плану св. Синода, верховная власть, однако же, предрѣшила, съ наступленіемъ благопріятныхъ условій, „по древнимъ примѣрамъ право-

[1]) Вопросы Жизни. 1905 г. Апрѣль—май, стр. 508.

славныхъ императоровъ, дать надлежащее движеніе великому дѣлу и созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія".

Высочайшая резолюція на всеподданнѣйшемъ докладѣ св. Синода о созваніи помѣстнаго собора, отодвинувшая на неопредѣленное время осуществленіе давно уже необходимой церковной реформы, должна быть разумно и, по возможности, съ бо́льшею пользою для дѣла использована русскимъ обществомъ, обнаружившимъ несомнѣнный и глубокій интересъ къ начавшемуся церковному движенію.

Не смотря на то, что небывалое оживленіе духовнаго міра, поставившее на очередь вопросъ о церковной реформѣ, находилось въ тѣсной и неразрывной связи съ болѣе широкимъ общественнымъ освободительнымъ движеніемъ и непосредственно вытекало изъ него съ естественною историческою необходимостью, церковная реформа, видимо, застала врасплохъ русское общество, и послѣднее, при первыхъ слухахъ о задуманныхъ преобразованіяхъ, оказалось въ большомъ затрудненіи даже при самомъ опредѣленіи характера своихъ отношеній къ новому, не вполнѣ еще выяснившемуся, дѣлу устроенія церковной жизни. Правда, наиболѣе чуткіе представители духовной журналистики уже по поводу изданія Высочайшаго указа отъ 12 декабря 1904 года высказывали надежду, что преобразованія въ нашемъ государственномъ строѣ естественно повлекутъ за собою и реформы церковной жизни. Правда, конечно, также и то, что подобныя надежды должны были въ значительной степени усилиться послѣ памятнаго Императорскаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ отъ 18 февраля 1905 года. Но, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе правильные и согласные съ законами историческаго развитія взгляды на первые признаки церковнаго оживленія, какъ на одно изъ проявленій общаго освободительнаго движенія, оказались достояніемъ далеко не всѣхъ мыслящихъ и разсуждающихъ представителей русскаго общества. По крайней мѣрѣ, только крайняя реакціонная пресса, оказавшаяся и въ данномъ

случаѣ на высотѣ своего своеобразнаго „охранительнаго“ положенія, сразу же и безъ всякихъ колебаній вѣрно опредѣлила смыслъ и значеніе нарождавшихся признаковъ новой жизни церковнаго міра; недаромъ, при первыхъ слухахъ о предстоящей реформѣ, она забила усиленную тревогу и, не стѣсняясь въ средствахъ дискредитированія высшихъ иниціаторовъ реформы, усердно стремилась затормозить начавшееся дѣло. Прогрессивная же печать, вначалѣ восторженно привѣтствовавшая движеніе, поставившее на очередь вопросъ о церковныхъ преобразованіяхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, въ лицѣ многихъ изъ своихъ органовъ, сильно измѣнила свои взгляды на характеръ и смыслъ новаго движенія, возникшаго въ духовныхъ сферахъ.

Недоразумѣнія, выросшія на почвѣ неправильнаго пониманія совершавшихся явленій общественной, государственной и церковной жизни, были настолько велики и серьезны, что, по выраженію газеты „Слово“, покумили между собою нѣкоторые органы совершенно противоположныхъ направленій, и въ результатѣ получились самыя неожиданныя сочетанія. „Сынъ Отечества“ оказался въ тѣсномъ обществѣ съ „Московскими Вѣдомостями“, „Русь“ обнаруживала готовность подать руку „Гражданину“, и всѣ вчетверомъ, по картинному выраженію „Слова“, „составляли дружную кадриль, дирижерство которой пыталось взять на себя „Русское Дѣло“. Неудивительно, что при такомъ неестественномъ сближеніи радикально противоположныхъ органовъ, одна изъ самыхъ передовыхъ газетъ могла провести въ общественное сознаніе мысль, что намѣченная церковная реформа не только не находится въ ближайшей связи съ современнымъ освободительнымъ движеніемъ, а какъ разъ наоборотъ—является вновь придуманнымъ средствомъ борьбы съ нимъ въ рукахъ высшей правящей бюрократіи.

Интересно, что подъ вліяніемъ очевидной неувѣренности въ правильномъ и безошибочномъ пониманіи новыхъ и сложныхъ явленій, возникшихъ въ церковномъ мірѣ, даже вполнѣ серьезные органы, проводящіе въ со-

знаніе читателей безусловно опредѣленные политическіе взгляды по самымъ разнообразнымъ вопросамъ государственной жизни, заняли довольно странное положеніе, давъ мѣсто на своихъ страницахъ, безъ всякихъ редакціонныхъ замѣчаній и объясненій, двумъ, діаметрально противоположнымъ, освѣщеніямъ современнаго церковнаго движенія. Мы имѣемъ въ виду еженедѣльную юридическую газету „Право“ съ статьями Е. Трубецкаго и П. Милюкова о пробужденіи церкви.

Назвавъ великимъ событіемъ зарождающееся на нашихъ глазахъ пробужденіе церкви, готовящейся сбросить съ себя путы вѣкового рабства, кн. Е. Трубецкой [1]) вполнѣ разумно стремился объяснить происхожденіе новаго движенія тѣмъ обстоятельствомъ, что россійская церковь, какъ и все русское общество, оказалось охваченной всюду совершающимся у насъ процессомъ обновленія. Въ то время, какъ бюрократическій строй, по словамъ автора, рушится сверху до низу, церковь тѣмъ самымъ освобождается отъ бюрократической опеки и силою вещей призывается къ самоопредѣленію, а ея іерархія, шедшая до сихъ поръ на буксирѣ свѣтской власти, тѣмъ же естественнымъ ходомъ исторической жизни приглашается стать на собственныя ноги и снять съ себя государственный мундиръ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ положеніи дѣлъ и въ нашемъ духовенствѣ пробудилось исканіе новыхъ формъ жизни; въ его средѣ раздались смѣлые и независимые голоса, осудившіе нынѣшнее устройство церковнаго управленія, какъ неканоническое, и громко провозгласившіе необходимость церковной автономіи. „Если бы“, не безъ основанія замѣтилъ Трубецкой [2]), „рѣчь шла только о церковной автономіи, если бы возстановленіе независимой духовной власти было *послѣдней, окончательной* цѣлью совершающагося нынѣ церковнаго движенія, оно было бы весьма поверхностнымъ и не заслуживало бы особаго сочувствія. Но къ счастью для нашей церкви, *дви-*

[1]) Право. 1905 г. № 15, стр. 1170.

[2]) Тамъ же, стр. 1171.

женіе это — гораздо глубже, чѣмъ думаютъ поверхностные наблюдатели. Изъ заявленій лучшихъ представителей нашей іерархіи видно, что дѣло идетъ о полномъ *внутреннемъ* обновленіи церковной жизни". Констатируя, что въ русской церкви, замкнувшейся въ послѣдніе вѣка своего историческаго существованія въ состояніи аскетическаго равнодушія къ мірскимъ дѣламъ, въ текущіе дни снова повѣялъ духъ жизни, авторъ цитируемой статьи отъ всей души привѣтствовалъ начавшееся движеніе и высказывалъ пожеланіе, чтобы оно расло и крѣпло, такъ какъ духовное возрожденіе будетъ спасительнымъ не только для церкви, но и для нашей государственной жизни.

Какъ ни естественно было стремленіе Трубецкого пробудить въ общественномъ сознаніи глубокое сочувствіе къ несомнѣннымъ признакамъ нарождающагося церковнаго обновленія, находящагося въ тѣсной связи съ современнымъ освободительнымъ движеніемъ, однако недовѣріе къ нашей „казенной" церкви и къ тому, чего можно ожидать отъ нея, оказалось настолько велико, что газета „Право" нашла удобнымъ въ слѣдующемъ же номерѣ помѣстить, безъ всякихъ редакціонныхъ объясненій, небольшую статью, совершенно дискредитировавшую церковное движеніе [1]). Авторъ статьи, П. Милюковъ, вполнѣ заслуженно пользующійся репутаціей одного изъ лучшихъ современныхъ историковъ, въ данномъ случаѣ, какъ намъ кажется, крайне односторонне отнесся къ совершавшемуся на его глазахъ пробужденію церковнаго самосознанія и совершенно незаслуженно заподозрилъ кн. Трубецкого въ какихъ то реакціонныхъ тенденціяхъ.

„Читатель", утверждалъ Милюковъ, „не знаетъ, точно ли событіе", о которомъ говоритъ Трубецкой, (т. е. пробужденіе церкви) „совершается, и если оно совершается, то слѣдуетъ ли ему испытывать чувство радости, или же чувство нѣкотораго страха. Церковь, наша казенная церковь заговорила! Что то она скажетъ? Если то, что мы привыкли слышать изъ ея рядовъ, хорошо ли еще это бу-

[1]) Право. 1905 г. № 16, стр. 1260—1262.

детъ? Если другое, новое, хорошее, — откуда оно возьмется?" Не придавая никакого значенія тѣмъ даннымъ, которыя успѣли убѣдить Е. Трубецкого, что съ пробужденіемъ національной совѣсти и въ нашей церкви повѣялъ новый, свѣжій духъ жизни, и произвольно суживая понятіе церкви, отождествляемой имъ съ „батюшками", Милюковъ нашелъ возможнымъ упрекнуть кн. Трубецкого въ томъ, что, приглашая обновляющуюся церковь благословить народъ на участіе въ дѣлѣ созиданія государственнаго порядка и устроенія русской земли, онъ лишь повторялъ обычныя, традиціонныя рѣчи реакціонеровъ всѣхъ временъ. Правда, по словамъ Милюкова, подъ вліяніемъ страха „надвигающейся анархіи", Мещерскіе и Грингмуты взываютъ къ ненависти, тогда какъ кн. Трубецкой, обращаясь къ церкви, взываетъ къ „незримой силѣ любви". Но развѣ очень нужно батюшкамъ перерождаться, спрашивалъ онъ, чтобы успѣшно выполнить „примирительную" миссію, рекомендуемую Трубецкимъ?

Выходя изъ такого традиціоннаго, вѣками созданнаго, недовѣрія къ „батюшкамъ", Милюковъ и замѣтилъ, что реакціонеры, въ данномъ случаѣ, даже правѣе кн. Трубецкого, такъ какъ взывать къ любви теперь—значитъ ослаблять слабаго и подкрѣплять сильнаго. „Слабый,—пояснялъ онъ свою мысль [1]),—силенъ своей ненавистью, а сильный слабъ односторонностью своей физической силы и страшно нуждается въ перемиріи, въ малѣйшей отсрочкѣ, которая могла бы спасти его отъ нравственно уничтожающей ненависти. И вотъ при такомъ то положеніи дѣла кн. Трубецкой льетъ свое лампадное масло „любви" на расходившіяся волны общественной борьбы. Чье дѣло онъ дѣлаетъ?"

Считая ниже своего достоинства опроверженіе высказанныхъ Милюковымъ подозрѣній въ какихъ-то реакціонныхъ тенденціяхъ, кн. Трубецкой, успѣвшій уже въ достаточной степени выяснить въ печати свои политическіе взгляды и убѣжденія, не безъ основанія замѣтилъ [2]),

---

[1]) Тамъ же, стр. 1262.

[2]) Право. 1905 г. № 20, стр. 1659.

что онъ, авторъ статьи, трактующей о церкви, какъ обществѣ вѣрующихъ, состоящемъ не только изъ духовенства, но и изъ мірянъ, и Милюковъ, отожествляющій церковь съ „батюшками“, очевидно, говорятъ о совершенно различныхъ предметахъ. Вотъ почему и неожиданная солидарность Милюкова съ „Московскими Вѣдомостями“ въ характерѣ отношеній къ современному церковному движенію, по мнѣнію Трубецкого [1]), и мнѣнію, нужно замѣтить, вполнѣ правдоподобному, явилась, по всей вѣроятности, результатомъ простого недоразумѣнія и неправильнаго пониманія самаго характера новаго движенія.

Тѣми же недоразумѣніями и неправильнымъ пониманіемъ сложныхъ явленій, поставившихъ на очередь вопросъ о церковной реформѣ, можно, по нашему мнѣнію, объяснить и появленіе на страницахъ „Русскаго Богатства“ „Случайной замѣтки“ [2]), авторъ которой, въ унисонъ съ Милюковымъ, также отнесся отрицательно къ попыткѣ Трубецкого освѣтить съ благопріятной стороны начавшееся пробужденіе церкви. Но интересно, что въ той же книгѣ „Русскаго Богатства“, гдѣ авторъ „Случайной замѣтки“ справедливо упрекалъ „Право“, спрашивая его, „чье же дѣло дѣлаетъ оно, проводя въ общество два радикально противоположныхъ взгляда на одно и то же явленіе общественной жизни“ [3]), оказалась помѣщенной другая статья, гдѣ высказывается въ значительной степени иной взглядъ на ту же церковную реформу [4]).

Чтобы правильно понять и оцѣнить современное церковное движеніе, избѣжавъ при этомъ тѣхъ односторонностей и крайностей, отъ которыхъ оказались несвободными даже многіе органы нашей лучшей періодической печати, необходимо имѣть въ виду, что оно представляетъ собою довольно сложное явленіе и складывается изъ нѣсколькихъ различныхъ общественныхъ теченій. Прежде

---

[1]) Тамъ же, стр. 1660.

[2]) Русское Богатство. 1905 г., кн. V, стр. 186—192.

[3]) Тамъ же, стр. 192.

[4]) Тамъ же. „Наши газеты и журналы“, стр. 36—40.

всего не слѣдуетъ забывать, что, поразившее многихъ кажущеюся неожиданностью, церковное пробужденіе было обязано своимъ происхожденіемъ далеко не одному только духовенству и совсѣмъ не имѣло и не носитъ узко-спеціальнаго, клерикальнаго, характера. Мы видѣли, что даже инициатива постановки на практическую почву вопроса о желательныхъ церковныхъ преобразованіяхъ принадлежала высшимъ свѣтскимъ бюрократическимъ кругамъ, въ средѣ же духовенства уже въ самомъ началѣ довольно опредѣленно выяснилась наличность различныхъ группъ, неодинаково мотивирующихъ необходимость церковной реформы и неодинаковымъ образомъ понимающихъ характеръ и предѣлы желательной церковной свободы.

Вотъ почему и наша передовая, честная и независимая печать, не успѣвшая или не сумѣвшая надлежащимъ образомъ разобраться въ сложномъ церковно-общественномъ явленіи и обнаружившая значительную непослѣдовательность въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ органовъ, должна воспользоваться наступившимъ послѣ извѣстной Высочайшей резолюціи *подготовительнымъ* періодомъ въ интересахъ полнаго, всесторонняго и безпристрастнаго изслѣдованія начавшагося церковнаго движенія. И лишь при выполненіи послѣдняго условія, когда общественная мысль, уже не мало поработавшая надъ интересующимъ насъ вопросомъ, окончательно разберется въ немъ и, разложивъ сложное церковное движеніе на его составные элементы, сумѣетъ правильно оцѣнить не только многочисленные недостатки, но и различныя достоинства, несомнѣнно присущія каждому изъ нихъ, наша передовая пресса будетъ гарантирована отъ печальной возможности вновь оказаться и при предстоящемъ практическомъ рѣшеніи церковнаго вопроса въ тѣсномъ и неожиданномъ обществѣ съ реакціонною печатью. Иначе дѣлу назрѣвшей церковной реформы и въ будущемъ, при наступленіи рѣшительнаго историческаго момента, угрожаетъ серьезная опасность, вмѣсто желательной помощи и необходимаго сочувствія, встрѣтить со стороны нѣкоторыхъ органовъ передовой, либеральной прессы такое же противодѣйствіе, какое оно,

на первыхъ порахъ, встрѣтило въ лицѣ наиболѣе чуткихъ и послѣдовательныхъ представителей ретроградной печати, сразу понявшей, по словамъ одного изъ нашихъ журналовъ [1]), что „стоитъ только хоть въ какомъ либо пунктѣ завестись выборному началу и возникнуть мало мальски самостоятельному органу, независимому отъ бюрократіи, какъ крупная брешь будетъ пробита въ современномъ политическомъ строѣ и ферментъ броженія разойдется мало по малу по всѣмъ частямъ отживающаго организма".

Мы замѣтили, что для выясненія правильной точки зрѣнія на современное церковное движеніе, складывающееся изъ различныхъ общественныхъ теченій, необходимо тщательно разобраться въ каждомъ изъ нихъ. Несомнѣнно, что ни одно изъ этихъ теченій, успѣвшихъ уже довольно опредѣленно выразиться и въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, и въ средѣ правящей іерархіи, и въ сферѣ низшаго духовенства, и въ области духовной и свѣтской журналистики, не можетъ быть признано совершенно свободнымъ отъ разнообразныхъ, иногда очень крупныхъ и серьезныхъ, недостатковъ. Но едва ли не въ такой же степени несомнѣнно также и то, что всѣ многочисленные недостатки отдѣльныхъ *партійныхъ* проектовъ желательныхъ преобразованій не должны парализовать и уничтожать законныхъ общественныхъ симпатій къ самому движенію, поставившему на очередь вопросъ о церковной реформѣ. Отсюда и передовая, прогрессивная печать обязана, по нашему мнѣнію, считаться съ тѣмъ, чтобы ея работа, направленная къ разъясненію темныхъ и слабыхъ сторонъ выяснившихся плановъ необходимой реорганизаціи церковной жизни и церковнаго управленія,— работа, безъ сомнѣнія, крайне важная и безусловно полезная — не дискредитировала бы въ своемъ конечномъ выводѣ самое дѣло назрѣвшей церковной реформы съ ея здоровой и жизнеспособной основой, такъ какъ этотъ неблагодарный трудъ по праву, конечно, долженъ принадле-

---

[1]) Русское Богатство. 1905 г., кн. V. „Наши газеты и журналы", стр. 39.

жать послѣдовательнымъ и дальновиднымъ органамъ реакціонной прессы.

Посмотримъ же теперь, какими дѣйствительно крупными и серьезными недостатками страдаютъ разнообразные, иногда даже довольно слабо намѣченные, планы крупнѣйшей церковной реформы, начиная съ проектовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ высшимъ бюрократическимъ кругамъ, какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ, и кончая наиболѣе цѣнными проектами отдѣльныхъ кружковъ и частныхъ лицъ.

Интересно въ этомъ отношеніи, что такіе крупные и существенные недостатки нерѣдко находились въ прямомъ и трудно-примиримомъ противорѣчіи съ основною идеей освободительнаго церковнаго движенія и, повидимому, не только сознательно допускались иниціаторами реформы въ силу какихъ либо *партійныхъ* соображеній, но иногда и являлись невольнымъ слѣдствіемъ привычныхъ точекъ зрѣнія людей. Такъ, напримѣръ, вѣками выработанная привычка видѣть церковь и духовенство на службѣ у государственныхъ интересовъ замѣтно сказалась на самомъ первомъ проектѣ освобожденія церкви, возникшемъ въ высшихъ правящихъ кругахъ и послужившемъ исходнымъ пунктомъ всего интересующаго насъ церковнаго движенія.

Одинъ изъ главныхъ иниціаторовъ поставленной на очередь реформы, С. Ю. Витте, популяризировавшій идею современнаго незаконнаго порабощенія церкви въ руководящихъ правительственныхъ сферахъ, оказался, однако же, неспособнымъ совершенно отрѣшиться отъ привычной точки зрѣнія на отношенія церкви къ государству и возвыситься до правильнаго, идеальнаго пониманія церковной свободы. По крайней мѣрѣ, замѣтивъ въ своей запискѣ, что наше духовенство вѣритъ въ превосходство русскаго государственнаго строя предъ формами западно-европейской соціальной жизни только дѣтскою вѣрою, почему, когда обстоятельства побуждаютъ представителей церкви высказаться по тому или иному общественному вопросу, встать на защиту тѣхъ или иныхъ государственныхъ задачъ,—защита духовенства оказывается настолько

неумѣлой и порою даже наивной, что вмѣсто желательнаго результата производитъ лишь отрицательное дѣйствіе, Витте въ то же время высказалъ слѣдующій, очевидно правительственный, взглядъ на то положеніе, въ какое должна стать по отношенію къ государству реформированная, освобожденная отъ вѣкового порабощенія, церковь.

„Государству", утверждалъ онъ [1]), „нужна отъ духовенства сознательная, глубоко продуманная защита его интересовъ, а не наивная вѣра въ современное положеніе". Не трудно понять, какъ плохо мирится пропагандированіе идеи освобожденія церкви отъ ига мірскихъ задачъ съ навязываніемъ освобождаемой церкви обязанности защищать интересы государства, хотя бы эта защита предусмотрительно и называлась вполнѣ сознательной и глубоко продуманной. Въ нашей періодической печати, съ неподдѣльнымъ вниманіемъ слѣдившей за всѣми перипетіями церковнаго движенія, уже было въ достаточной степени разъяснено, что даже и такая глубоко продуманная защита пользы и выгодъ государства представляетъ собою „вполнѣ реальное вторженіе церкви въ сферу политическихъ интересовъ того или иного момента, также измѣнчивыхъ, какъ и та историческая почва, на которой они возникаютъ" [2]). Отвлеченное понятіе о государствѣ, справедливо замѣтило „Русское Слово" [3]) по поводу отмѣченнаго нами крупнаго недостатка записки Витте, реально даетъ о себѣ знать въ видѣ того правительства, которое въ данный моментъ является его фактическимъ представителемъ. Понятно, что и „государственный интересъ" не представляетъ собою чего-либо постояннаго и неизмѣнаго, а всецѣло опредѣляется въ своемъ реальномъ содержаніи такъ или иначе понимаемыми *даннымъ* правительствомъ цѣлями государственной политики. И если современное порабощеніе церкви видамъ и намѣреніямъ правительства

---

[1]) Слово. 1905 г. № 108.

[2]) Русское Слово. 1905 г. № 86.

[3]) Тамъ же.

фактически выражается въ крайне нежелательной полицейской службѣ духовенства, являющагося невольнымъ пропагандистомъ видовъ и намѣреній правящихъ классовъ, то и при вполнѣ сознательной и глубоко продуманной защитѣ „государственныхъ интересовъ“ церкви угрожаетъ серьезная опасность по-прежнему выполнять служебную роль по отношенію къ государству и, вмѣсто вѣчныхъ началъ правды и добра, по-неволѣ руководиться въ своей дѣятельности временными и измѣнчивыми соображеніями тѣхъ или другихъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія государствомъ.

Конечно, на ряду съ привычной точкой зрѣнія свѣтской власти на служебное положеніе церкви по отношенію къ государству крупная принципіальная непослѣдовательность записки Витте обусловливалась также и вполнѣ естественнымъ стремленіемъ правящей бюрократіи, усердно пользовавшейся услугами церкви, сохранить ихъ въ своемъ распоряженіи и послѣ намѣченной реформы церковнаго управленія. Но въ этомъ отношеніи взгляды и стремленія Витте, сдѣлавшаго первый и самый важный шагъ къ постановкѣ на практическую почву вопроса о церковныхъ преобразованіяхъ, не могли уже встрѣтить искренняго сочувствія высшаго правящаго духовенства. Послѣднее, въ лицѣ членовъ Св. Синода, обнаруживъ понятныя и неподдѣльныя симпатіи къ выдвинутой въ правительственныхъ сферахъ основной идеѣ о необходимости освобожденія церкви отъ стѣснительной бюрократической опеки, не имѣло никакихъ побудительныхъ причинъ допускать такую же принципіальную непослѣдовательность въ опредѣленіи конечной цѣли освободительнаго церковнаго движенія, какую допустилъ въ своей запискѣ предсѣдатель Комитета министровъ. Церковь, бывшая до сихъ поръ послушнымъ орудіемъ государства и оказывавшая всевозможныя услуги существующему правительству, по требованію послѣдняго услужливо оправдывавшая различныя явленія общественной и государственной жизни и иногда даже, въ силу печальной необходимости, освящавшая ихъ своимъ авторитетомъ вопреки требованіямъ хри-

стіанской морали, видимо, утомилась продолжительною подневольною службою государству и обнаружила довольно замѣтное стремленіе сдѣлать конечною цѣлью намѣченной церковной реформы возможность безпрепятственно служить лишь самой себѣ, своимъ собственнымъ, спеціальнымъ, цѣлямъ и задачамъ.

Правда, въ извѣстныхъ „Положеніяхъ“, внесенныхъ въ Комитетъ министровъ С.-Петербургскимъ митрополитомъ Антоніемъ, высказывается еще мысль, что необходимо предоставить православной церкви бо́льшую свободу въ управленіи ея внутренними дѣлами въ тѣхъ видахъ, чтобы она, освобожденная отъ прямой государственной или политической миссіи, могла своимъ возрожденнымъ нравственнымъ авторитетомъ быть незамѣнимой опорой православнаго государства [1]). Но мы едва ли ошибемся, если допустимъ, что въ данномъ случаѣ предполагаемое превращеніе освобожденной церкви въ прочную опору государства было выдвинуто главнымъ образомъ потому, что подобная аргументація, безъ сомнѣнія, имѣетъ наибольшую силу убѣдительности въ глазахъ той правящей бюрократіи, сочувствіе и поддержка которой безусловно необходимы для проведенія въ жизнь какой бы то ни было реформы. Въ своихъ же дальнѣйшихъ шагахъ высшая церковная іерархія руководилась уже преимущественно, если даже не совершенно исключительно, своими спеціально-церковными побужденіями, стремясь избавить церковь отъ стѣснительной опеки государства и организовать управленіе освобожденною церковью на древне-каноническихъ началахъ.

„Ни одинъ православный русскій епископъ“, увѣренно заявляли представители нашей іерархіи нѣсколько ранѣе постановленія Св. Синода о созваніи помѣстнаго собора [2]), „не станетъ оспаривать ту истину, что необходимо освободить православную русскую церковь отъ ... владычества

---

[1]) „Положенія...“, п. 3.

[2]) Русское Дѣло. 1905 г. № 9. „Письмо православнаго епископа“, стр. 10—11.

чиновниковъ-бюрократовъ... Сверху—нужно освободить нашу іерархію отъ подчиненія чиновникамъ, созвать соборъ архипастырей, который долженъ избрать патріарха и приступить къ необходимымъ исправленіямъ недостатковъ въ нашей церковной жизни. Снизу—слѣдуетъ немедленно приступить къ организаціи церковныхъ приходовъ на древнихъ каноническихъ и общинныхъ началахъ".

Мысль о настоятельной необходимости возвратить церкви древнюю каноническую свободу и организовать церковное управленіе на началахъ соборности, очевидно, была положена и въ основу важнѣйшаго церковно-правительственнаго акта позднѣйшаго времени—извѣстнаго постановленія Св. Синода, ходатайствовавшаго предъ верховною властью о созваніи помѣстнаго собора и возстановленіи патріаршества въ Россіи. И хотя самый текстъ всеподданнѣйшаго синодальнаго доклада, съ обнародываніемъ котораго, по словамъ одного изъ членовъ высшей церковной іерархіи [1]), „обнаружится ясно и величественно, на какой высотѣ *истинно-церковнаго самосознанія*" находились написавшіе его русскіе іерархи, не опубликованъ еще до настоящаго времени, однако же, судя по различнымъ косвеннымъ даннымъ, можно съ увѣренностью сказать, что здѣсь имѣлись въ виду не превращеніе преобразуемой церкви въ прочную опору государства, а исключительно только цѣли и стремленія самой церкви, какъ ихъ понималъ Св. Синодъ.

Но, избѣжавъ крупной принципіальной непослѣдовательности, въ какую отчасти невольно—подъ давленіемъ властныхъ требованій жизненныхъ интересовъ, а отчасти даже безсознательно—подъ вліяніемъ привычныхъ, традиціонныхъ точекъ зрѣнія людей—впали правящія сферы, выдвинувшіяся самый вопросъ о церковной реформѣ, высшая іерархія, въ лицѣ Св. Синода, также, повидимому, не оказалась совершенно свободною въ обнаружившихся планахъ отъ невольнаго подчиненія нежелательному влія-

---

[1]) Русскія Вѣдомости. 1905 г. № 92. „Письмо Балахнинскаго епископа Исидора".

нію частныхъ, *партійныхъ* интересовъ и привычной точки зрѣнія на свою исключительную роль въ управленіи церковью. По крайней мѣрѣ, проектируя учредить патріаршество и предполагая предоставить выработку подробностей сложнаго дѣла реорганизаціи всего церковнаго управленія всероссійскому собору, св. Синодъ имѣлъ въ виду составить самый соборъ исключительно только изъ однихъ епархіальныхъ епископовъ. И не смотря на то, что у насъ нѣтъ никакихъ основаній довѣрять упорно державшимся въ свое время газетнымъ слухамъ, будто бы св. Синодъ чрезвычайно сузилъ программу предполагавшагося помѣстнаго собора, сведя ее къ простому избранію патріарха и надѣленію его широкими правами и преимуществами, мы, однако же, ни въ какомъ случаѣ не можемъ считать безразличнымъ и даже безопаснымъ для успѣшнаго проведенія въ жизнь широко-задуманной церковной реформы, намѣченный Синодомъ, крайне односторонній составъ перваго помѣснаго собора.

Какими бы благими намѣреніями не были преисполнены иниціаторы реформы, имѣющей цѣлью освободить церковь отъ подавляющей всякую самодѣятельность посторонней опеки и организовать церковное управленіе на истинно-каноническихъ началахъ, все же такой односторонній характеръ перваго, имѣющаго *рѣшающее* значеніе, помѣстнаго собора, составленнаго исключительно изъ одного правящаго, монашествующаго духовенства и лишеннаго представителей не только многочисленнаго бѣлаго духовенства, но и самого народа, непосредственно и близко заинтересованнаго въ правильномъ устроеніи церковной жизни, неизбѣжно долженъ будетъ наложить свой своеобразный отпечатокъ на всѣ проектируемыя преобразованія. Недаромъ многочисленные представители не одной реакціонной, но и прогрессивной печати высказывали опасеніе, что высшая іерархія посмотрѣла на принципъ соборности, какъ на орудіе своего усиленія и перехода власти изъ рукъ оберъ-прокурора къ коллегіи епископовъ съ ея ставленникомъ-патріархомъ, и выступила съ ходатайствомъ о помѣстномъ соборѣ въ надеждѣ придать церков-

ной реформѣ наклонъ въ сторону епископской олигархіи. Конечно, признавая довольно естественнымъ возникновеніе подобныхъ опасеній при тѣхъ слухахъ, какіе распространялись въ періодической прессѣ о первыхъ шагахъ св. Синода по пути осуществленія назрѣвшей реформы, мы тѣмъ самымъ еще нисколько не утверждаемъ, что наша высшая іерархія дѣйствительно намѣренно и сознательно стремилась провести церковныя преобразованія, главнымъ образомъ, въ своихъ узко-партійныхъ [1]) интересахъ, какъ это дѣлалось во многихъ статьяхъ, помѣщавшихся даже на страницахъ нѣкоторыхъ передовыхъ періодическихъ изданій.

„Вытекаетъ ли ожидаемая реформа церковнаго управленія изъ какихъ либо принципіальныхъ побужденій или вдохновляется исключительно личными мотивами“, писалось, напримѣръ, въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ [2]), „она во всякомъ случаѣ направляется Синодомъ не къ тому, чтобы замѣнить государственную опеку надъ дѣлами русской церкви общественнымъ контролемъ и закономѣрно ограничить церковную власть, а, наоборотъ, къ тому, чтобы сдѣлать эту власть неограниченной и избавить ее отъ всякаго контроля... Конечно, духовная бюрократія не обходитъ совершеннымъ молчаніемъ и вопросъ о соборности церковнаго управленія: это, безъ сомнѣнія невозможно, разъ рѣчь идетъ о каноническомъ устройствѣ церкви и не считается „благовременнымъ“ формально упразднить девятый членъ символа вѣры; но данный, самый важный и основной, вопросъ ставится ею въ такой своеобразной формѣ, что вскрываются совсѣмъ иныя карты“. Однимъ изъ важнѣйшихъ фактовъ, вскрывающихъ дѣйствительныя, неподдѣльныя, узко-партійныя стремленія духовной бюрократіи, по мнѣнію автора цитируемыхъ строкъ, и является опредѣленный синодальнымъ постановленіемъ крайне односторонній составъ перваго помѣстнаго собора, имѣющаго провести въ русскую жизнь, повидимому широко задуманную, церковную реформу.

[1]) Въ интересахъ партіи правящаго монашества.

[2]) 1905 г. № 95. „По поводу одного недоразумѣнія“.

Повторяемъ, что мы лично не только не считаемъ себя въ правѣ приписывать нашей правящей іерархіи сознательныя стремленія провести церковную реформу въ своихъ узко-партійныхъ интересахъ, такъ какъ въ сущности не имѣемъ для такихъ обвиненій никакихъ фактическихъ, реальныхъ основаній, но и допускаемъ на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что принципъ соборнаго управленія церковью выдвигался ею вполнѣ искренно и не представлялъ собою простой формы, оболочки, въ которую предполагалось вложить совершенно иное содержаніе. Но мы глубоко убѣждены, что реорганизація всей церковной жизни и всего церковнаго управленія на новыхъ началахъ, явившаяся дѣломъ всероссійскаго помѣстнаго собора, составленнаго исключительно изъ однихъ представителей высшей правящей іерархіи, неизбѣжно сохранила бы на себѣ многіе неизгладимые слѣды привычной точки зрѣнія людей, выросшихъ въ старой атмосферѣ традиціонныхъ, односторонніхъ идей о своей исключительной роли въ области управленія, опекаемой государствомъ, церкви. Новое и сложное дѣло реформированія всей церковной жизни на истинно-каноническихъ началахъ, въ силу естественной исторической необходимости, требуетъ для своего успѣшнаго осуществленія и обязательнаго, дѣятельнаго, участія въ его практическомъ проведеніи въ жизнь новыхъ церковныхъ и общественныхъ элементовъ, не только свободныхъ отъ вліянія традицій, созданныхъ вѣковымъ неканоническимъ строемъ, но и прямо заинтересованныхъ въ нормальномъ исходѣ освободительнаго церковнаго движенія.

Среди такихъ церковно-общественныхъ элементовъ, дѣятельное участіе которыхъ, на ряду съ высшей іерархіей, необходимо въ устроеніи реформируемаго церковнаго управленія, безспорно законное мѣсто должно принадлежать и низшему, бѣлому духовенству, уже успѣвшему довольно опредѣленно высказаться по вопросу о желательныхъ преобразованіяхъ въ формѣ извѣстнаго „мнѣнія группы петербургскихъ священниковъ“. Хотя записка петербургскихъ священниковъ о необходимости перемѣнъ

въ русскомъ церковномъ управленіи была благосклонно принята представителями высшихъ духовныхъ сферъ и, повидимому, гармонировала съ цѣлями и стремленіями правящей іерархіи, насколько послѣднія выразились въ постановленіи св. Синода, однако же она, во всякомъ случаѣ, вскрыла наличность въ низшемъ, подчиненномъ духовенствѣ не только параллельнаго, но и въ значительной степени отличнаго отъ него освободительнаго движенія, имѣющаго свои собственные, своеобразные, достоинства и недостатки.

Правда, въ нашей періодической печати высказывались самые разнообразные взгляды на смыслъ и значеніе церковно-общественнаго теченія, выразившагося въ запискѣ столичныхъ священниковъ. Находились лица, видѣвшія въ ней выраженіе желаній, тожественныхъ съ стремленіями правящей іерархіи, и, на основаніи такого подозрительнаго тожества пожеланій двухъ противоположныхъ группъ съ несомнѣнно различными групповыми интересами, обвинявшіе составителей записки въ измѣнѣ интересамъ бѣлаго духовенства изъ угодливости предъ правящей монашеской іерархіей, задумавшей провести церковную реформу въ клерикальномъ духѣ [1]). Но нужно замѣтить, что если такіе взгляды встрѣчали искреннее сочувствіе въ извѣстной части русскаго общества и даже вызывали по адресу ихъ авторовъ открытое выраженіе благодарности за смѣлые протесты противъ предполагаемой клерикальной реформы современнаго церковнаго строя [2]), то болѣе обстоятельное знакомство съ условіями происхожденія „мнѣнія“ столичнаго духовенства и болѣе вдумчивое отношеніе къ заключающимся въ немъ идеямъ для многихъ дѣлали

---

[1]) Новое Время. 1905 г. № 10.439. „Почему 32?“

[2]) Сынъ Отечества. 1905 г. № 43. „Съ глубокой радостью прочитали мы“, писали студенты Московской духовной академіи, „статью, авторъ которой смѣло и открыто высказался противъ предполагаемой клерикальной реформы и вообще противъ исключительнаго вліянія монаховъ на ходъ церковной жизни“.

вполнѣ очевидными ошибочность и несправедливость подобныхъ взглядовъ [1]).

Въ противоположность органамъ періодической печати, находившимъ возможнымъ отожествлять преобразовательныя стремленія и идеи низшаго, бѣлаго духовенства и высшей, монашествующей іерархіи, насколько онѣ отразились въ постановленіи св. Синода и „запискѣ“ группы петербургскихъ священниковъ, въ текущей журналистикѣ были попытки представить взаимныя отношенія двухъ отмѣченныхъ актовъ въ совершенно иномъ освѣщеніи. Не смотря на то, что и члены св. Синода, и столичные священники, повидимому, одинаково указываютъ на необходимость вернуть церкви древнюю каноническую свободу, выдвигая принципъ соборности и настаивая на созывѣ помѣстнаго собора и избраніи патріарха, по своему внутреннему содержанію, по вдохновляющему намѣренію, оба эти акта, по словамъ газеты „Разсвѣтъ“ [2]), являются не только различными, но и прямо противоположными другъ другу, „имѣютъ наклонъ въ разныя стороны, ведутъ къ разнымъ горизонтамъ“. На принципъ соборности, говоритъ авторъ цитируемой статьи, высшая іерархія посмотрѣла съ своей исключительной точки зрѣнія, какъ на средство усиленія собственной власти; „между тѣмъ“, утверждаетъ онъ, „группа священниковъ видитъ въ соборности условіе внутренней церковной цѣльности и тѣснѣйшаго союза между монашествомъ и бѣлымъ духовенствомъ, съ одной стороны, и между пастырями и паствой—съ другой... Въ глазахъ правящаго монашества патріархъ является символомъ церковной власти, въ глазахъ священниковъ—символомъ церковнаго единства. Правящему монашеству оберъ-прокурорская власть кажется помѣхой для непо-

[1]) Слово. 1905 г. № 111. Автора цитированной нами нововременской статьи, читаемъ въ газетѣ „Слово“, „совершенно справедливо упрекаютъ въ навязываніи „запискѣ группы Петербургскихъ священниковъ“ такихъ мыслей, которыя въ ней не содержатся,—„записка“ настаивала на всецерковномъ соборѣ, а не на монашеской коллегіи, и не ея вина, что проектъ Синода не совпалъ съ этими желаніями“.

[2]) 1905 г. № 32. „Крупное разногласіе“.

средственныхъ сношеній съ свѣтскою властью, группѣ священниковъ—помѣхою для сліянія съ народомъ".

Въ дѣйствительности, однако же, мы не имѣемъ достаточныхъ основаній констатировать ни полнаго тожества, ни рѣзкой, прямой противоположности внутренняго содержанія двухъ различныхъ актовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ правящей іерархіи и бѣлому духовенству. Несомнѣнно лишь одно, что, одинаково съ св. Синодомъ настаивая на необходимости возвратить церкви древнюю каноническую свободу и организовать церковное управленіе на соборныхъ началахъ, Петербургское духовенство въ своей „запискѣ" пошло уже значительно далѣе правящей іерархіи въ самомъ пониманіи принципа соборности церковнаго управленія. Но обстоятельства происхожденія „мнѣнія группы столичныхъ священниковъ", предназначеннаго къ представленію высшему духовному начальству, видимо, оказали довольно неблагопріятное вліяніе на желательную ясность и опредѣленность заключающихся въ немъ взглядовъ и стремленій бѣлаго духовенства. Эта неясность и неопредѣленность наиболѣе цѣнныхъ для насъ мыслей о томъ, что̀ собственно разумѣется здѣсь подъ принципомъ соборности и какъ слѣдуетъ представлять себѣ нормальный составъ и программу занятій будущаго помѣстнаго собора, и составляютъ одинъ изъ главныхъ и существенныхъ недостатковъ извѣстной записки 32 столичныхъ пастырей о необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи.

Болѣе опредѣленное и ясное отличіе преобразовательныхъ стремленій низшаго, бѣлаго, духовенства отъ такихъ же пожеланій высшей, правящей іерархіи и болѣе широкое пониманіе принципа соборности, который долженъ быть положенъ въ основу всего реорганизованнаго церковнаго строя, проявились уже въ послѣдующихъ частныхъ проектахъ и запискахъ бѣлаго духовенства, вызванныхъ газетными слухами о мнимо-предрѣшенномъ Синодомъ характерѣ предстоящей церковной реформы. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ должна представлять для насъ вполнѣ откровенная записка небольшой группы про-

винціальныхъ духовныхъ лицъ, направленная не „по начальству“, обычнымъ оффиціальнымъ путемъ, а на судъ общественнаго мнѣнія, въ редакцію одного изъ повременныхъ изданій.

Заявивъ о своей радости по поводу газетныхъ извѣстій о возстановленіи патріаршества, авторы интересующей насъ записки писали [1]), что, къ сожалѣнію, радость ихъ не полна и не прочна, такъ какъ намѣченная реформа, повидимому, далеко не удовлетворитъ всѣхъ существенныхъ потребностей церковной жизни. „Развѣ о патріархѣ печалилось наше сердце“, спрашивали они. „Развѣ въ немъ видѣли мы исцѣленіе всѣхъ церковныхъ недуговъ? Мы хорошо знали нашу церковную дѣйствительность, болѣли о ней и, не будемъ скрывать, негодовали на нашъ церковный строй и всей душой ждали его паденія. Но ждали не только уничтоженія оберъ-прокуратуры, а еще болѣе того, что заключалось въ ней и вытекало изъ нея—абсолютизма въ церковномъ управленіи“.

Абсолютизмъ церковной власти, сосредоточіе ея въ одномъ лицѣ, по словамъ записки, оставляли на долю десятковъ іерарховъ, тысячъ пастырей и милліоновъ вѣрующихъ только одно—повиноваться и молчать. Сущность тѣхъ принциповъ, на которыхъ покоилась церковная централизація, выражалась во всеобъемлющемъ усмотрѣніи и, тѣсно связанномъ съ нимъ, произволѣ, въ циркулярахъ и инструкціяхъ „слушать и исполнять“, „не разсуждать, а повиноваться“, въ прислужничествѣ и лести предъ сильными, въ трепетѣ и безмолвіи слабыхъ. Теперь вполнѣ естественно задаться вопросомъ, устранится ли съ введеніемъ патріаршества это главное современное зло церкви, заключающееся въ абсолютизмѣ и централизаціи власти? Что пріобрѣтаетъ церковь съ замѣною оберъ-прокурора патріархомъ? На мѣсто свѣтскаго папы у насъ явится патріархъ—духовный папа. Но вѣдь патріархъ, получающій право непосредственныхъ сношеній съ верховною властью, еще не намѣстникъ Христа и не можетъ заступить собою

---

[1]) Русь. 1905 г. № 83. „Молодая Русь и духовенство“.

все церковное тѣло. Голосъ патріарха не голосъ этого тѣла и независимость патріарха еще не свобода церкви.

Выходя изъ такихъ соображеній, составители записки и высказывали сильныя опасенія, что съ введеніемъ патріаршества епископы по-старому могутъ остаться только „владыками“, а бѣлое городское и сельское духовенство по-прежнему можетъ оказаться безгласнымъ и безправнымъ предъ ними. Трудно допустить, по ихъ мнѣнію, чтобы царящій теперь произволъ однихъ и безправіе другихъ безслѣдно изчезли, если по-прежнему во главѣ церкви будетъ стоять абсолютный монархъ, хотя бы и не свѣтскій, а духовный и притомъ ограниченный Синодомъ. „Тамъ“, по словамъ записки, „гдѣ, господствуетъ всевластіе немногихъ, гдѣ отношенія опредѣляются не правами и обязанностями, а строятся на зыбкой почвѣ отеческаго попеченія и сыновей покорности, тамъ не можетъ имѣть мѣста разумная самодѣятельность и живая сознательно-творческая жизнь. Тамъ напрасны и всѣ заботы о поднятіи жизни, ея обновленіи“. Вотъ почему, съ точки зрѣнія одной изъ передовыхъ группъ бѣлаго духовенства, простое возстановленіе патріаршества далеко еще не введетъ церковную жизнь въ ея настоящее каноническое русло, хотя и уничтожитъ ненормальности, рѣжущія глаза.

Для введенія церковной жизни въ дѣйствительно-каноническое русло авторы проекта признавали необходимымъ противопоставить современной церковной централизаціи осуществленіе соборнаго начала въ самомъ широкомъ объемѣ. „Не патріархъ съ синодомъ“, утверждали они, „а каноническій соборъ долженъ править церковію. Всѣ церковныя отношенія должны быть преобразованы на основаніи этого забытаго и задавленнаго принципа соборности. Каждый отдѣльный іерархъ долженъ стать вновь живой единицей въ церковномъ организмѣ и перестать быть только владыкой для однихъ и служкой для другихъ. И каждый священникъ долженъ стать тоже живой единицей и перестать быть только жалкимъ винтомъ въ епархіальной машинѣ. Духовенство должно, наконецъ, получить неотъемлемыя права и составить коллективную силу; оно

должно имѣть право совѣщаться о церковныхъ нуждахъ, дѣлать постановленія въ предѣлахъ своей компетенціи и *быть живою единицей въ общемъ соборѣ*".

Высказавъ естественныя пожеланія отвести бѣлому духовенству законное и почетное мѣсто въ созидательной работѣ по реорганизаціи церковнаго управленія, группа провинціальныхъ духовныхъ лицъ, опубликовавшая разсматриваемую записку, не ограничилась только защитою и отстаиваніемъ отъ предполагаемыхъ опасностей своихъ *партійно-сословныхъ* интересовъ, но и обнаружила вполнѣ разумное и широкое пониманіе дѣйствительныхъ интересовъ церкви, признавъ необходимымъ *участіе мірянъ* въ предполагаемомъ церковномъ строительствѣ. „Чтобы реформа удовлетворила церковный организмъ", съ искреннимъ убѣжденіемъ утверждали въ заключеніе своего проекта составители записки, „должны быть возстановлены періодическіе помѣстные соборы іерарховъ *съ представительствомъ отъ низшаго духовенства и мірянъ,* необходимо раскрѣпостить духовенство, дать ему право свободнаго голоса, право активнаго участія въ церковной жизни, снять съ него архіерейскую опеку и признать мірянъ живыми силами церковнаго тѣла".

Нельзя, конечно, не замѣтить, что въ своемъ главномъ и основномъ пунктѣ, направленномъ къ доказательству той мысли, что „создать патріаршество и на томъ покончить—значитъ едва только начать дѣло и ничего не сдѣлать", записка провинціальнаго духовенства боролась въ сущности съ пустымъ мѣстомъ, такъ какъ и высшая іерархія, въ лицѣ св. Синода, въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, совсѣмъ не исключительно задавалась такими узкими и чисто внѣшними цѣлями. Несомнѣнно, однакоже, что въ данномъ случаѣ проявилось уже такое широкое пониманіе принципа соборности, имѣющаго быть положеннымъ въ основу всего реорганизованнаго церковнаго строя, которое далеко не во всѣхъ пунктахъ могло разсчитывать на полное сочувствіе правящей іерархіи, и бѣлое духовенство едва ли бы имѣло основанія надѣяться на осуществленіе многихъ изъ своихъ пожеланій, если бы

проведеніе церковной реформы явилось дѣломъ намѣченнаго св. Синодомъ помѣстнаго собора, составленнаго исключительно изъ однихъ епархіальныхъ епископовъ.

Справедливость высказанной нами мысли сдѣлается не только вполнѣ вѣроятной, но и прямо несомнѣнной, если мы, при сужденіи по данному вопросу, примемъ во вниманіе, кромѣ „мнѣнія“ петербургскихъ пастырей и записки провинціальныхъ духовныхъ лицъ, еще и проектъ церковной реформы, выработанный группою московскаго духовенства [1]). Здѣсь представители низшаго, подчиненнаго духовенства смѣло выдвинули на видное мѣсто такой пунктъ церковной реформы, который едва ли не ближе всего способенъ затронуть существенные, жизненскіе, интересы высшей, правящей іерархіи, категорически заявивъ, что существующій въ настоящее время абсолютизмъ архіерейской власти долженъ подлежать рѣшительному уничтоженію. Возставая противъ назначенія епископовъ государственными властями и настаивая на обязательномъ избраніи ихъ духовными и мірянами мѣстныхъ епархій, составители проекта находили, что архіереямъ всего приличнѣе быть не изъ монаховъ, такъ какъ монашество—это добровольное отреченіе отъ земныхъ интересовъ—не должно вмѣшиваться въ мірскія дѣла, и его необходимо возвратить въ законныя рамки—добровольной нищеты и удаленія отъ міра. Необходимо также, по словамъ авторовъ московской записки, радикально измѣнить самый образъ современныхъ архипастырей съ ихъ безграничнымъ самовластіемъ, горделивымъ видомъ и пышной обстановкой, напоминающей азіатскихъ сатраповъ.

Высказывая своеобразные взгляды на желательное положеніе высшей, правящей іерархіи, группа московскаго духовенства не только проектировала урегулировать отношенія епископовъ къ священникамъ, но и затрогивала не мало другихъ важныхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ церковной жизни. Выходя изъ того основного положенія, что служители православной церкви, какъ пред-

---

[1]) Слово. 1905 г. № 174. „Планы и проекты церковной реформы“.

ставители религіи свѣта и добра, ни въ какомъ случаѣ не должны поддерживать застой, а обязаны всегда находиться въ рядахъ постояннаго прогрессивнаго движенія на пути къ правдѣ и добру, интересующая насъ записка признавала необходимымъ освободить духовенство отъ всякой невольной солидарности съ защитниками старыхъ негодныхъ порядковъ, хотя бы на сторонѣ послѣднихъ оказывалось само правительство, дѣйствующее въ интересахъ той или иной политической партіи.

Мы не будемъ говорить о такихъ пунктахъ интереснаго проекта, гдѣ группа московскаго духовенства высказывала пожеланія внести нѣкоторыя измѣненія даже въ характеръ нашего богослуженія, освободивъ его отъ всего, что, по ея словамъ, противорѣча основному духу православной церкви, отзывается суевѣріемъ и идолопоклонствомъ. Не будемъ детально разбираться и въ его несомнѣнныхъ частныхъ достоинствахъ и недостаткахъ, такъ какъ это могло бы повести насъ слишкомъ далеко. Въ данномъ случаѣ, оригинальный проектъ представляетъ для насъ особенную важность не по своимъ достоинствамъ и недостаткамъ, а какъ несомнѣнный показатель наличности въ средѣ бѣлаго духовенства взглядовъ и пожеланій, въ значительной степени отличныхъ отъ преобразовательныхъ стремленій правящей іерархіи.

Вполнѣ понятно, что, если даже въ средѣ бѣлаго духовенства возбужденіе вопроса о церковной реформѣ обнаружило наличность взглядовъ и убѣжденій, въ значительной степени отличныхъ отъ преобразовательныхъ стремленій высшей іерархіи, то тѣмъ болѣе этого слѣдовало ожидать отъ общества мірянъ, совершенно отстраненныхъ отъ живого, активнаго участія въ церковномъ управленіи и обнаруживающихъ естественное желаніе позаботиться о возможно-лучшемъ обезпеченіи своихъ забытыхъ законныхъ правъ въ намѣченномъ церковномъ строительствѣ. Интересно, что даже такіе консервативные органы періодической прессы, какъ „Русскій Вѣстникъ“, рѣшительно высказывались за самое широкое участіе народа въ предстоящей реорганизаціи церковной жизни и церковнаго

управленія. „Строеніе церкви“, читаемъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ [1]), „должно быть дѣломъ всего общества вѣрующихъ: и мірямъ и клириковъ, всего тѣла церкви. И строеніе это должно быть свободнымъ творчествомъ въ духѣ соборности и самоуправленія, *но сообразуясь съ условіями нашего времени*“. Ограничиться же въ наши дни только возстановленіемъ каноновъ VII—IX вѣковъ, по словамъ цитируемаго журнала, едва ли значитъ оживить церковь, такъ какъ тотъ архаическій строй, по всей вѣроятности, оказался бы для насъ совершенно неудобоносимымъ игомъ.

Та же основная мысль о необходимости предоставленія мірянамъ и вообще всему обществу вѣрующихъ по возможности самыхъ широкихъ правъ на активное участіе въ церковной жизни, какъ на единственно-дѣйствительное средство, способное пробудить нашу церковь и, ожививъ заглохшія силы, поставить ея значеніе на должную высоту, проводилась и на страницахъ, не отличающагося особеннымъ либерализмомъ, „Новаго Времени“, хотя здѣсь она и высказывалась въ нѣсколько иномъ видѣ. Замѣтивъ, что и послѣ извѣстной Высочайшей резолюціи, давшей церковной реформѣ продолжительный срокъ вызрѣть въ общественномъ сознаніи, правящая іерархія осталась при прежнихъ взглядахъ на цѣли и характеръ намѣченной реформы, „Новое Время“ писало [2]), что проектируемая замѣна оберъ-прокурора патріархомъ, а канцелярій, подчиненныхъ оберъ-прокурору, собраніями епископовъ сама по себѣ ровно еще ничего не обѣщаетъ. „Для общества“, утверждало оно, „для собранія вѣрующихъ, которое и образуетъ церковь, не столько важно то, кто распоряжается церковною жизнью и напрявляетъ ее, сколько то, какъ распоряжаются этою жизнью и куда ее направляютъ“. А для того, чтобы всегда имѣть возможность сообщать церковной жизни желательное направленіе, необходимо, по мысли автора разсматриваемой статьи, позаботиться

---

[1]) 1905 г., май, стр. 322.

[2]) 1905 г. № 10.451. „Забытый фундаментъ церковной реформы“.

прежде всего о правильной организаціи приходской жизни. на самыхъ широкихъ началахъ самоуправленія, предоставивъ обществу вѣрующихъ законную привиллегію самому выбирать своихъ пастырей и завѣдывать всѣми мѣстными церковными дѣлами, конечно, подъ общимъ руководствомъ и съ благословенія высшей іерархіи, также не чуждой мірянамъ и обязательно выбираемой изъ ихъ среды и при ихъ участіи.

Идея необходимости перенесенія центра тяжести въ предстоящей реформѣ изъ высшихъ церковныхъ сферъ въ область нормальной организаціи низшихъ церковныхъ ячеевъ, видимо, глубоко проникла въ общественное сознаніе и съ бо́льшею или меньшею обстоятельностью развивалась въ самыхъ разнообразныхъ органахъ періодической прессы, помѣщавшихъ на своихъ страницахъ только различныя варіаціи на одну и ту же основную тему. Но намъ нѣтъ особенной необходимости отдѣльно останавливаться на каждой изъ такихъ газетныхъ и журнальныхъ статей, такъ какъ, при однообразіи ихъ основныхъ мыслей, вполнѣ достаточно иллюстрировать высказанное положеніе и анализомъ содержанія какой либо одной изъ нихъ, по возможности, конечно, наиболѣе типичной. Остановимся же на одной изъ статей газеты „Слово“ [1]), постоянно обнаруживавшей рѣдкій среди свѣтскихъ изданій интересъ къ назрѣвшимъ вопросамъ церковной жизни и церковнаго управленія.

Задумываясь надъ предстоящимъ преобразованіемъ церковнаго управленія, авторъ отмѣтенной нами статьи писалъ, что реорганизація существующаго строя на каноническихъ началахъ, съ возстановленіемъ самоуправленія церкви и патріаршества, совершенно немыслима безъ самой широкой децентрализаціи церковнаго управленія, его соборности и участія въ немъ мірянъ. Неудивительно, что съ этой точки зрѣнія, прежде чѣмъ возстановлять патріаршество, необходимо еще позаботиться о признаніи автономности приходовъ. „Не о князьяхъ церкви“, утверждалъ онъ, „надлежитъ теперь думать, а о тѣлѣ церкви,—о мірянахъ,

[1]) Слово. 1905 г. № 113. „Патріаршество и приходскій вопросъ“.

которые только числятся прихожанами и, не принимая никакого участія въ жизни приходовъ, не участвуютъ въ разрѣшеніи церковно-общественныхъ вопросовъ. Безъ разрѣшенія этого коренного вопроса возстановленіе патріаршества явилось бы только простымъ перенесеніемъ власти изъ рукъ высшей бюрократіи въ руки высшихъ представителей чернаго духовенства", имѣющимъ довольно сомнительную цѣнность для дѣйствительныхъ и широко понимаемыхъ интересовъ церкви. Съ организаціей же церковныхъ общинъ на каноническихъ началахъ, по мнѣнію „Слова", мы сразу достигнемъ огромныхъ и важныхъ результатовъ, такъ какъ получимъ свободно избираемый мірянами клиръ. Допуская возможность одновременнаго проведенія обѣихъ реформъ, „Слово", однако же, высказывало убѣжденіе, что, во всякомъ случаѣ, во главу угла должна быть поставлена забота о мірянахъ, для которыхъ собственно и существуютъ патріархи вмѣстѣ со всѣмъ священническимъ чиномъ. „Прежде всего", настаивало оно, „нужно разрѣшить приходскій вопросъ. Все остальное приложится".

Вполнѣ естественное и совершенно понятное стремленіе мірянъ обезпечить за собою по возможности наиболѣе широкія права на активное участіе въ намѣчаемой реорганизаціи церковнаго строя, вызвавъ въ общественномъ сознаніи перемѣщеніе центра тяжести предстоящей реформы, по необходимости, конечно, должно было извѣстнымъ образомъ отразиться и на разнообразныхъ сужденіяхъ свѣтской печати о томъ положеніи, въ какое желательнѣе всего было бы поставить проектируемаго правящей іерархіей патріарха въ истинныхъ интересахъ самой церкви. Опираясь на несомнѣнные историческіе факты, позволяющіе утверждать, что съ положеніемъ патріарха въ различныя времена и у различныхъ народностей не соединялись неизмѣнныя и однообразныя реально-правовыя функціи, „Русскія Вѣдомости", напримѣръ, высказывали пожеланіе, чтобы русскій патріархъ XX столѣтія, при задуманномъ обновленіи церковнаго строя, въ основу котораго должно лечь самоуправленіе всей церковной общины, всего церковнаго союза, оказался не болѣе, какъ предсѣдателемъ и представителемъ соборной организаціи.

Лежащее въ основѣ подобнаго пожеланія, плохо скрываемое опасеніе за будущую фактическую судьбу принципа соборности церковнаго управленія при наличности сильной единоличной власти патріарха побуждало нѣкоторые органы повременной печати идти еще далѣе и даже высказываться за отсутствіе всякой необходимости имѣть непремѣннымъ представителемъ и предсѣдателемъ соборной организаціи именно патріарха. Развѣ нельзя удовольствоваться, задавалось вопросомъ одно изъ такихъ періодическихъ изданій [1]), простымъ предсѣдателемъ собора, избираемымъ самимъ соборомъ и отъ него же зависящимъ въ своей дѣятельности? „Надо быть послѣдовательными“, поясняло оно свой недоумѣнный вопросъ, „и, проводя въ церковной реформѣ принципъ соборности, не уклоняться неосторожно въ сторону принципа единоличной власти, такъ какъ послѣдній исключаетъ значеніе перваго и имѣетъ, иногда, нежелательную тенденцію—граничить съ деспотизмомъ“.

Нельзя не замѣтить, что здѣсь уже общественная мысль, усердно работавшая надъ всестороннимъ освѣщеніемъ огромнаго и сложнаго церковнаго вопроса, видимо значительно уклонилась отъ той единственно—вѣрной и надежной дороги, по которой у насъ только и представляется возможнымъ какъ-нибудь достичь намѣченной цѣли, и вступила на скользкій путь смѣлыхъ проектовъ, въ значительной степени эмансипированныхъ отъ древнихъ церковныхъ каноновъ.

Разбираясь въ сложной и запутанной работѣ общественной мысли по вопросу о вызываемой запросами времени церковной реформѣ, мы чувствуемъ себя въ правѣ установить, какъ несомнѣнный фактъ, не только наличность неодинаковыхъ взглядовъ на характеръ и задачи намѣчаемыхъ преобразованій, но и ближайшую зависимость такого разногласія отъ различія самыхъ интересовъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, начиная съ высшей, правящей іерархіи и кончая разнохарактерными группами

---

[1]) Разсвѣтъ. 1905 г. № 42.

мірянъ, лишенныхъ всякихъ правъ на активное участіе въ церковномъ управленіи. Несомнѣнное же различіе жизненныхъ интересовъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ, обусловливавшее собою появленіе далеко неодинаковыхъ взглядовъ на характеръ и задачи предстоящихъ преобразованій, по необходимости требуетъ ближайшаго и, повозможности, равномѣрнаго участія представителей всѣхъ заинтересованныхъ группъ населенія въ томъ помѣстномъ всероссійскомъ соборѣ, которому предстоитъ труднѣйшая задача положить удачное начало практическому проведенію въ жизнь широко задуманной въ общественномъ сознаніи церковной реформы.

Вотъ почему и общественная мысль, работавшая надъ вопросомъ о желательной церковной реорганизаціи, въ своемъ конечномъ выводѣ остановилась на идеѣ *всецерковнаго* собора, какъ на единственно-вѣрномъ и надежномъ пути, способномъ, при благопріятныхъ условіяхъ, привести насъ къ намѣченной цѣли. А для того, чтобы, обѣщанный Высочайшею волею, первый, имѣющій рѣшающее значеніе, помѣстный соборъ былъ дѣйствительно всецерковнымъ и его постановленія оказались *нравственно-обязательными* для всей русской церкви, необходимо, конечно, чтобы будущій соборъ состоялъ не только изъ своихъ непремѣнныхъ членовъ—епархіальныхъ архіереевъ, но и изъ представителей отъ бѣлаго духовенства и мірянъ, такъ какъ лишь при такихъ условіяхъ его члены могутъ явиться полными выразителями истиннаго церковнаго сознанія, не затемнѣннаго исключительнымъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ *групповыхъ* интересовъ.

Разнообразныя общественныя группы и различные представители періодической печати, болѣе или менѣе единогласно и единодушно рѣшавшіе вопросъ о желательномъ и нормальномъ составѣ перваго помѣстнаго собора въ смыслѣ его всецерковности, не безъ основанія указывали на то, что наши русскіе епископы, не состоящіе избранниками епархіальныхъ общинъ и въ большинствѣ случаевъ, за обширностью епархій и кратковременностью управленія ими, не знающіе должнымъ образомъ своей

паствы и даже своего духовенства, не могутъ, да едва ли и сами рѣшатся говорить на соборѣ отъ лица управляемыхъ ими мѣстныхъ, епархіальныхъ церквей. А между тѣмъ, это послѣднее обстоятельство не только представляетъ собою огромную важность, но и является, въ данномъ случаѣ, безусловно необходимымъ, такъ какъ иначе создается серьезная опасность появленія нежелательныхъ отношеній общества къ самымъ рѣшеніямъ будущаго собора. „Чтобы избѣжать очень естественнаго и очень опаснаго церковнаго раскола", читаемъ во второй запискѣ той же группы петербургскихъ священниковъ, которая уже ранѣе успѣла заявить себя возбужденіемъ вопроса о церковной реформѣ [1]), „необходимо, чтобы на соборѣ присутствовали избранные отъ духовенства его представители и избранники народа—извѣстные своею ревностью о благѣ церкви міряне". Въ наши дни, когда, по словамъ отмѣченной записки, вопросы церкви вызываютъ сильный интересъ у огромнаго количества мірянъ, прежде совершенно безразлично относившихся къ ней, вынужденное отсутствіе на соборѣ уполномоченныхъ избранниковъ народа невольно создастъ въ средѣ однихъ печальное недовѣріе къ архипастырямъ и къ самой церкви, а другихъ и совершенно оттолкнетъ отъ нея.

Признавъ всецерковный характеръ помѣстнаго собора, составленнаго изъ высшей іерархіи и свободно избранныхъ представителей низшаго духовенства и мірянъ, необходимымъ условіемъ успѣшнаго проведенія церковной реформы, общественная мысль сдѣлала уже попытки детальнаго обсужденія сложнаго вопроса о желательномъ производствѣ самыхъ выборовъ на первый всецерковный соборъ. Въ этомъ отношеніи безспорное право на наше преимущественное вниманіе имѣетъ проектъ петербургскаго духовенства [2]), составившаго извѣстную записку „О необходимости перемѣнъ въ русскомъ церковномъ управленіи".

---

[1]) „О составѣ церковнаго собора". Церковный Вѣстникъ. 1905 г. № 21. Русское Слово. 1905 г. № 144.

[2]) Тамъ же.

Считая безусловно необходимымъ, чтобы помѣстный соборъ обладалъ характеромъ всецерковнаго представительсва, авторы проекта находили наиболѣе цѣлесообразнымъ производить самые выборы въ соборъ не отдѣльно отъ духовенства и мірянъ, а совмѣстно, и при томъ не чрезъ гражданскія выборныя учрежденія, какъ не имѣющія никакихъ связей съ церковью, а чрезъ церковныя, хотя бы и крайне несовершенно воплощающія въ себѣ начала представительства. Роль такихъ учрежденій, способныхъ съ извѣстнымъ успѣхомъ послужить сложному дѣлу выбора разнообразныхъ представителей на всецерковный соборъ, могутъ, по мысли проекта, довольно удачно выполнить существующіе епархіальные съѣзды духовенства. Для этой цѣли слѣдуетъ лишь обратить ихъ въ общеепархіальныя собранія депутатовъ не только духовенства, но и мірянъ, предварительно сообщивъ такой же характеръ и низшимъ окружнымъ или благочинническимъ съѣздамъ. При такихъ условіяхъ, прихожане каждой церкви, вмѣстѣ съ духовенствомъ, получатъ возможность избрать на общеприходскомъ собраніи своихъ депутатовъ въ благочинническій или окружный съѣздъ. Въ окружномъ съѣздѣ, въ свою очередь, клиръ и міряне изберутъ своихъ представителей на общеепархіальное собраніе, гдѣ, наконецъ, духовные и свѣтскіе депутаты совмѣстно выберутъ въ предстоящій всероссійскій соборъ одинаковое число членовъ, какъ отъ духовенства, такъ и отъ мірянъ.

Желая обезпечить выборы отъ всякаго нежелательнаго вліянія заинтересованныхъ сферъ и гарантировать обществу и церкви дѣйствительное, не фальсифицированное представительство на предполагаемомъ всероссійскомъ помѣстномъ соборѣ, авторы проекта предусмотрительно считали необходимымъ условіемъ правильности выборовъ полную свободу окружныхъ и общеепархіальныхъ собраній, самостоятельно избирающихъ своихъ предсѣдателей и устанавливающихъ порядокъ веденія дѣлъ.

Въ самомъ началѣ своей работы, посвященной изученію постепенной эволюціи общественной мысли по во-

просу о церковной реформѣ, нами было сдѣлано замѣчаніе о неизбѣжной, исторически обоснованной, зависимости той или иной организаціи завѣдыванія церковными дѣлами отъ существующей системы государственнаго управленія и тѣхъ разнообразныхъ перемѣнъ, какія періодически происходятъ въ ней подъ вліяніемъ властныхъ и настойчивыхъ требованій времени. Съ этой точки зрѣнія для насъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе такой фактъ огромной важности въ русской исторіи, какимъ является опубликованіе 6 августа 1905 года Высочайшаго манифеста объ учрежденіи Государственной Думы. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на всѣ недостатки и несовершенства, вызываемаго къ жизни, перваго русскаго государственнаго представительнаго учрежденія, предназначеннаго, по словамъ самой верховной власти, къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію по указаніямъ жизни и опыта, во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что Высочайшимъ манифестомъ безповоротно заложено основаніе для введенія въ государственное управленіе новыхъ началъ, радикально противоположныхъ принципамъ бюрократическаго управленія страною. А это послѣднее обстоятельство, реально выразившееся въ привлеченіи къ участію въ законодательныхъ трудахъ *представителей отъ всего населенія русской земли,* позволяетъ надѣяться, что работа общественной мысли по вопросу о церковной реформѣ, *съ ея конечными выводами,* не пропадетъ безслѣдно для задуманнаго дѣла, и предрѣшенный [1]) всероссійскій соборъ окажется дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ этого слова, соборомъ *всецерковнымъ,* почему и съумѣетъ положить прочное основаніе реорганизаціи всего церковнаго управленія *на истинно-каноническихъ началахъ соборности, разумно согласованныхъ съ требованіями современной жизни.*

---

[1]) Въ своемъ циркулярномъ предложеніи епархіальнымъ епископамъ начать подготовительныя работы для предстоящей церковной реформы оберъ-прокуроръ св. Синода замѣтилъ, что, согласно резолюціи Государя на извѣстномъ докладѣ св. Синода, слѣдуетъ признать синодальное предложеніе о созваніи собора Высочайше одобреннымъ. Слово. 1905 г. № 236.